

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ»

MYSTIC & FICTIONS

ДИН
ЛЕЙПЕК

ЭТО ВСЁ ПРИДУМАЛИ ЛЮДИ

Mystic & Fiction

Дин Лейпек

Это все придумали люди

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лейпек Д.

Это все придумали люди / Д. Лейпек — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-57-9

Где-то в нашей простой и понятной реальности живет девушка Алиса. Она учится, читает книги, ходит на концерты - а еще влюблена в загадочного парня, который постоянно куда-то исчезает. Как будто проваливается сквозь пространство. Или – в него? Что если совсем рядом, за одной из соседних дверей может оказаться вход в другой мир? Мир, в котором мысли материальны, в котором обитают гарпии, охотники, безумцы и потерянные дети. Мир, в котором нельзя любить. Потому что все уже было. Все повторяется. Время закольцовано. Начинается новый момент дежавю.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-57-9

© Лейпек Д., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

I. Миша	6
II. Алиса	12
III. Ларс	25
IV. Алиса	38
V. Гарри	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дин Лейпек

Это всё придумали люди

© Д. Лейпек (Н. Плютинская), 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

I. Миша

«Алиса – это пудинг. Пудинг – это Алиса».
Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»

Я – один из тех мальчиков, про которых все вокруг говорят, что они хорошие сыновья. Когда я был маленьким, то воспринимал такой эпитет как комплимент и из кожи вон лез, чтобы его оправдать. Позже, впрочем, он стал меня раздражать. Я мечтал быть хорошим музыкантом, художником, режиссером, космонавтом на худой конец. Хотелось, чтобы мое самоутверждение строилось на личных достижениях, а не на том, что я просто не был совсем свиньей. Но хотя мои личные достижения постоянно росли, они прибавляли мне веса именно в статусе хорошего сына и никого больше. Почему мой почти отличный аттестат и поступление на бюджетное место в приличном вузе делали меня хорошим сыном, так и осталось для меня загадкой – но со временем я свыкся с этим. В конечном итоге, если ко мне вообще было применимо слово «хороший», это уже могло считаться достижением в каком-то смысле.

Тем более что про моего брата ничего подобного никто не говорил.

Мы жили втроем – я, мама и старший брат – на Чистых прудах, в огромной старой квартире, доставшейся по наследству от маминых бабушек. Именно так они назывались всегда в нашей семейной истории – мамины бабушки, и, хотя мне они приходились прабабушками, я никогда не думал о них как о таковых. Мы переехали сюда из Выхинской двушки, в которой я жил с самого рождения, и поначалу новая квартира казалась каким-то сказочным дворцом – особенно когда я обнаружил, что можно ходить по кругу – через мамину комнату в мою, потом в коридор и оттуда обратно в мамину. Уже повзрослев, я понял все прелести дореволюционного дома под названиями «старая проводка», «ржавые трубы» и «деревянные перекрытия». В конце школы я спросил у матери, не хочет ли она обменять эту квартиру на две отдельные где-нибудь на окраине (для нас с ней и брата), но мама в ответ заявила, что ни за что в жизни не уедет из центра и что смерть под свалившимся с потолка куском штукатурки ей милее, чем смерть от удушья в набитом автобусе. Я не стал спорить, поскольку, во-первых, был хорошим сыном, а во-вторых, отчасти ее понимал. Со временем я даже нашел некоторый шик в том, как мы живем, особенно на фоне моих однокурсников, добравшихся в институт на электричках из городов, сами названия которых излучали безнадежность. Я доезжал до института за пятнадцать минут, а при желании мог вообще дойти до него пешком.

Мы с братом никогда не были близки – но это вполне объяснялось разницей в восемь лет. Сферы наших интересов не просто постоянно расходились, они как будто существовали в параллельных реальностях, не пересекаясь и не мешая друг другу. Единственной точкой соприкосновения оказалась музыка, и брат добросовестно провел меня через все ступени – от перестроечного русского рока до блюза и рок-н-ролла пятидесятых, внимательно следя за тем, чтобы я не пропустил ни одного значимого имени. На мой двенадцатый день рождения он преподнес поистине королевский подарок: потрепанный песенник «Битлз» – с обложкой в стиле Энди Уорхола – и полное собрание альбомов этой группы на кассетах, собственноручно записанных им с пластинок на проигрывателе. По сравнению с этим вожаденные роликовые коньки сразу сильно сдали свои позиции, и потребовалось все мое «хорошесыние», чтобы обрадоваться так, как этого ожидала мама.

Следующий год я провел в наушниках и с плеером. Мать поначалу возмущалась таким асоциальным поведением, но вскоре мои оценки по английскому вышли на твердую «пять», и возражения отпали. Я занялся своим переводом песен, научился на слух вычленять слова и устойчивые выражения – в общем, бросился в омут английского языка с ликующим «And we

live the life of ease»¹. Тогда это было девизом всей жизни. Да и сейчас, спустя много лет, хотя я давно слушаю другую музыку, песни «Битлз» вызывают у меня очень сильные чувства – как будто после долгого отсутствия я побывал в родных местах. И когда начинает казаться, что жизнь на очередном витке теряет свой первоначальный смысл, я включаю что-то вроде «I just seen a face I can't forget»² – и все снова становится простым и понятным.

Мой брат всегда казался мне полнейшей загадкой. В детстве я списывал это на то, что он уже взрослый, и я просто не понимаю, чем он занимается. Но из маленького мальчика я постепенно превратился в мальчика большого, а понимание так и не пришло. Все, что я могу сказать про своего брата, не рискуя соврать или приукрасить, – это что ему сейчас двадцать восемь лет, он окончил институт, курит, страдает постоянными мигренями и часто не ночует дома. Каждый месяц брат приносит домой деньги – достаточно приличную сумму, особенно если учесть, что ни я, ни мать не знаем, где он работает. Как-то раз он пришел и вручил маме австралийские доллары. Она долго смотрела непонимающими глазами на странные банкноты, но тут брат вдруг смутился, как будто допустил досадный промах, выхватил деньги из маминых рук и вышел из дома. На следующий день он принес привычные родные рубли, но мы до сих пор не знаем, откуда он достал те деньги.

Нам с матерью ни разу не пришло в голову, что брат может заниматься чем-то криминальным. Вернее сказать, мы много раз пытались сделать эту версию рабочей, и каждый раз нам приходилось ее отметать. Почему-то казалось, что человек, занимающийся какими-то темными делишками, никогда не смог бы вести себя так, как мой брат. Такое нелегко описать словами, но, если бы вы увидели его, вы бы поняли, что я имею в виду.

Брату было четырнадцать, а мне шесть, когда умер отец. Не помню, чтобы я сильно переживал по этому поводу, если не считать некоторого недоумения, неловкости и тайного облегчения, что теперь дома никто не будет кричать. Я родился уже тогда, когда это оставалось единственным проявлением чувств родителей друг к другу. Отец давно не жил с нами, и его окончательный уход лишь привнес некоторый порядок и стабильность в наше и до того одинокое существование. Для мамы, конечно, все было совсем по-другому – тогда у нее под глазами появились круги, которые так больше никуда и не исчезли. Год спустя мы переехали на Чистые, я пошел в школу, и воспоминания об отце остались где-то там, между безликими потрепанными многоэтажками.

Как пережил смерть отца брат, я не знаю до сих пор. Он был в том возрасте, когда подростки вообще склонны к угрюмости и мизантропии, поэтому его замкнутость и почти полное игнорирование законов семейного сосуществования могли быть вызваны просто гормонами, а не глубокой душевной травмой. Но именно в тот год у брата начала постоянно болеть голова.

Через пару лет непрекращающихся мигреней мама решила сводить его наконец к врачу. Мы поехали в частную клинику, которую посоветовала одна из маминых подруг, там брату обследовали голову и сделали много-много снимков его мозгов. Врач долго смотрел на них с потеряннным видом, потом пришел в себя и сказал матери, что он в первый раз видит такое и что тут вряд ли можно что-нибудь сделать. Через несколько месяцев из какого-то НИИ брату пришло приглашение с просьбой поучаствовать в их исследовании, но он отказался. Больше его не трогали.

Мать никогда не спрашивала брата, чем он занимается, – у нее всегда были с ним не такие отношения, как со мной. Она не вмешивалась в его жизнь, не пыталась ее устроить или направить в нужное русло. Когда брат не ночевал дома, он звонил вечером и предупреждал об этом, а утром сообщал, что с ним все в порядке. Мать не всегда была уверена, что брат появился с утра в школе, но он обладал особым талантом договариваться с учителями, и они

¹ И мы жили в свое удовольствие (англ.).

² Я только что видел лицо, которое я не могу забыть (англ.).

не беспокоили маму, вполне удовлетворенные оценками брата за промежуточные контрольные и тесты. От него всегда исходила некая спокойная уверенность, и возникало ощущение, что он знает, что делает.

Когда он перешел в одиннадцатый класс, мать стала допытываться у брата, что он собирается делать дальше, но брат, как всегда, молчал и в конце концов отвечал коротко, что с ним все будет в порядке. Мать переживала, волновалась, жаловалась подругам, и слово «армия» слетало иногда с ее расстроенных губ.

Брат окончил школу неплохо, хотя и не блистательно. Летом он снова пропадал, даже больше обычного, а первого сентября пришел домой и показал нам студенческий билет «Бауманки». Мать охнула, я хлопал глазами. Немного придя в себя, она спросила брата, на какую специальность тот поступил. Он назвал что-то, чего мы с мамой не смогли бы даже повторить, и заметил мимоходом, что там всего одна группа и поэтому конкурс очень большой. Мама спросила слабым голосом, почему он не сказал ей ничего, когда поступил. И тогда брат улыбнулся, пересиливая свою обычную головную боль, и ответил, что хотел сделать сюрприз, и что без студенческого билета сюрприз получился бы не таким впечатляющим. Мама долго смотрела на моего брата, а потом рассмеялась. Помню, меня тогда это сильно расстроило. Я понял, что, каким бы хорошим сыном я ни был, такого фортеля мне не выкинуть никогда.

Поступление в институт не сильно изменило брата. Он по-прежнему пропадал где-то, по-прежнему мы не знали ничего о его жизни за стенами нашей квартиры. Впрочем, дома нам тоже мало что удавалось о нем узнать.

Комната брата находилась в самом конце коридора, напротив моей. Я не помню, чтобы он когда-нибудь настаивал на закрытой двери, как это часто бывает с подростками, – скорее, так сложилось исторически. Когда брат не ночевал дома, мать всегда закрывала дверь в его комнату. Она аргументировала это тем, что в его отсутствие там можно как следует проветрить, но я подозреваю, что вид пустой комнаты огорчал ее, несмотря на звонки. Когда брат приходил и жил с нами, он просто оставлял дверь в том виде, в котором ее застал. Он вообще обладал потрясающим умением не нарушать сложившегося порядка вещей. Мы с матерью вместе строили свой быт, что-то улучшали, меняли, предлагали друг другу что-нибудь новое, иногда ссорились по этому поводу – брат же как будто все время подстраивался под нас. Иногда мне казалось, что он был в этой квартире немного в гостях. Когда я стал старше, то понял, что он, скорее всего, был в гостях у всего мира.

Была у брата еще одна странная особенность – мы никогда не слышали, как он приходил домой. В какой-то момент брат просто возникал в квартире, как будто находился здесь все это время. Мы с матерью привыкли и к этой его особенности – но вот гости иногда удивлялись, когда брат неожиданно появлялся на кухне. Двигался он всегда совершенно бесшумно.

Когда брат перешел на третий курс, мама стала слегка переживать, что у него до сих пор нет девушки, – и тогда брат привел в дом некую Настю. Она оказалась типичной дочерью девяностых: из провинциалов, приехавших в Москву за лучшей жизнью. Настя была крепкая, хозяйственная, простоватая и не стеснялась выйти из комнаты брата в одном нижнем белье. Так продолжалось несколько недель, пока она не перестала появляться у нас в доме, и мы потом долго и с интересом обсуждали, как брат мог заинтересоваться... таким. Уже много лет спустя, когда моя личная жизнь раскрыла мне глаза на некоторые особенности межполовых отношений, я понял, что брат просто привел домой девушку, которая не оставляла бы никаких сомнений в том, что с личной жизнью у него все в порядке. Глядя на Настю, даже я в свои двенадцать хорошо понимал, что брат с ней спит, и это само по себе шокирующее открытие почему-то сильно успокаивало маму. Брат еще несколько раз приводил разных Маш, Кать и Тань, и после этого демонстрация его гетеросексуальности закончилась. Больше брат никогда не давал нам повода считать, что состоит с кем-то в близких отношениях, – но это мало что значило. Вполне возможно, он был уже женат и имел троих детей. Я бы не удивился.

Мую собственную личную жизнь можно было считать классическим учебником по ошибкам молодости. По какой-то счастливой случайности мне удалось избежать большого потрясения в любви. Ни одна из моих пассий не перешла в другую школу, не уехала из города и даже не начала встречаться со старшеклассником – события, всегда грозящие перевести мнимую влюбленность в статус безнадежной. Все школьные романы представляли собой череду не очень убедительных отношений, построенных на внутренней необходимости сначала просто погулять, чуть постарше – поцеловаться и наконец – переспать. Каждый раз, достигнув поставленной цели, я обнаруживал, что объект привязанности вообще-то не очень стоил затраченных усилий, и потом я долго не мог придумать, как бы избавиться от него, никого не обидев. Иногда они избавлялись от меня сами, и в глубине души я даже был рад. Я по-прежнему не понимал толком, что нужно делать с девочками.

Полгода назад я встретил Алису. Это была знакомая моего друга – идеальный вариант, если вы ищете серьезных отношений. Алиса училась на втором курсе МАРХИ, и это казалось мне, одному из немногих студентов мужского пола в Литературном институте, невероятно крутым. Она таскала огромные папки и никогда не могла сказать, сумеет ли пойти куда-нибудь со мной на выходных. Иногда после ее занятий, которые заканчивались позже моих, мы заходили ко мне, но в квартире всегда обнаруживалась тотальная недостача бумаги, подрамников, туши или клея, и она мчалась домой в Медведково, чтобы проектировать, чертить, рисовать или делать макеты. В то время я считал, что у нас с Алисой все очень серьезно, и поэтому у меня дома мы никогда не боялись, что мама придет раньше обычного. Не знаю, что думала по поводу этих платонических отношений Алиса. Иногда мне казалось, что, предложи я заняться сексом, она бы сказала, что у нее на это нет времени.

Алиса очень нравилась мне. Она казалась совершенно цельной, как бы сложенной из точно подходящих друг к другу кусков. У нее имелось мнение относительно любых вопросов, от кино до политики, и она умела выражать это мнение, не втапывая при этом оппонента в грязь. Алиса была, в общем-то, очень правильной девочкой, идеальной парой для такого правильного мальчика, как я. Я не говорил себе пока, что люблю ее, но, безусловно, подразумевал свои исключительные на нее права.

Когда пришло время сессии, у нас – пай-мальчика и пай-девочки – начались своеобразные каникулы. Алиса уже не бегала с папками и не бормотала магических слов вроде «рейшина» и «триглиц». Я позвал ее на торжественный семейный чай и познакомил наконец с мамой. Алиса была из тех девочек, которые нравятся мамам в начале отношений – и не очень нравятся потом. Когда я, проводив ее, вернулся домой, мама сдержанно предложила звать Алису почаще. Я столь же сдержанно ответил, что зову ее так часто, как могу, – на этом все обсуждение моих очень серьезных отношений закончилось, и я пошел спать, оставив маму в тишине кухни раздуваться от гордости за своего хорошего сына.

Алиса ни разу не сталкивалась с моим братом – он появлялся всегда поздно, а она уходила рано. Когда я рассказал ему, что у меня новая девушка, брат только улыбнулся и заметил, что старые девушки обычно котируются выше новых. Я слегка обиделся: на мой взгляд, не ему было судить о девушках и длительности отношений. Но брат больше ничего не сказал и просто закурил, а у меня не хватило решимости продолжить тему.

В том, как брат курил, было свое неподражаемое обаяние. Впервые я увидел его с сигаретой на поминках маминой бабушки и немедленно почувствовал укол зависти. Он не пользовался зажигалкой – даже в компании брат всегда доставал коробок и осторожно прикуривал, закрывая пламя спички ладонью. Когда он держал сигарету, то излучал потрясающие уверенность и спокойствие – в нем совершенно не было нервности завязанных курильщиков, он не ронял своего достоинства, спазматически затягиваясь перед входом в метро. После тех поминок я немедленно решил попробовать курить сам. Впоследствии повторил эту попытку еще

несколько раз, но в конце концов мне пришлось признать, что если даже я и стану курильщиком, то курильщиком самым заурядным, – и я бросил это дело.

Перед самыми студенческими каникулами Алиса снова пришла к нам в гости. Брат тоже обещал вечером быть, и я решил, что это отличный повод их познакомить. В глубине души мне очень хотелось похвастаться. Алиса отличалась от всех его «дам», как птица феникс от кур-несушек, и я жаждал продемонстрировать брату, что моя новая девушка будет лучше всех его старых.

Мы с Алисой пришли домой первыми и, по традиции, стали пить чай. Если у всех отношений есть свой неповторимый вкус, то наши, безусловно, сильно отдавали чаем из пакетиков. Почему-то мы никогда не заваривали листовой чай. Наверное, нам обоим казалось, что чай из чайника – это такое сугубо семейное мероприятие, и заниматься им вдвоем почти так же неприлично, как заниматься любовью на родительской постели.

Впрочем, этого мы тоже не делали никогда.

– Как зовут твоего брата? – спросила Алиса, помешивая ложкой мутно-коричневую жидкость.

Это был сложный вопрос. По паспорту мой брат был Александром. Но уже довольно давно никому из нас не приходило в голову называть его Сашей, или уж тем более Саней. При встрече со взрослыми брат представлялся полным именем, а моим немногочисленным друзьям, иногда сталкивающимся с ним у нас в квартире, – Сандром. Само по себе это звучало достаточно претенциозно, но так шло ему, что никто не замечал какой-то почти средневековой вычурности этого имени. Мы с мамой в наших разговорах всегда называли его братом. «Мой брат» и «твой брат», соответственно.

– Вообще-то он Александр, – ответил я. – Но ты, я думаю, можешь называть его Сандр.

– Сандр? – Алиса слегка приподняла брови. – Странное имя.

– Не страннее многих, – пожал я плечами.

– И чем занимается этот ваш Сандр? – спросила она, делая большой глоток.

– Если честно, ни я, ни мама не знаем наверняка. Предположительно он программист или что-то в этом роде. Но он нам ничего не рассказывает.

– А живет он с вами?

– И да и нет. Иногда несколько дней подряд живет здесь, а иногда на несколько недель исчезает и только звонит.

– Прямо человек-загадка, – усмехнулась Алиса.

– В своем роде, – пробормотал я.

Мне вдруг пришло в голову, что на фоне такого таинственного брата я должен выглядеть довольно заурядным, несмотря на свой proficiency³ и потенциальную стажировку осенью в Англии.

Брат появился примерно через час, принес с собой запах мороза, табака и полную невозмутимость. Он возник в дверном проеме, как обычно, безо всякого предупреждения, посмотрел на нас внимательно и склонил голову в знак приветствия.

– Добрый вечер, – сказал брат, и то, как он это произнес, казалось невероятно элегантным. Он вообще был весь такой – в черном свитере с горизонтальным вырезом, с едва заметной вечерней щетиной, с черными и чуть мокрыми от снега волосами, с черными глазами – весь такой «добрый вечер», с ног до головы.

Мне снова стало неуютно. Я всегда считал себя привлекательным – и не без оснований, – но брат смотрелся, конечно, неподражаемо. К тому же он был старшим. И чертовски загадочным.

– Алиса, – мой брат, – представил я его довольно сухо. – Брат, это моя Алиса.

³ Уровень знания английского языка. Предполагает знание на уровне носителя.

Слово «моя» было в данном контексте совершенно неуместным. Мы редко демонстрировали степень нашей близости, однако сейчас мне очень остро захотелось ее подчеркнуть. Я заметил, как Алиса стрельнула при этом в меня глазами, но отступить было поздно.

– Очень приятно, – вежливо кивнул брат.

Алиса тихо фыркнула и пробормотала: «Взаимно», и я с удовольствием отметил, что неотразимость брата скорее смешит ее.

– Мама скоро будет? – небрежно спросил он, и как-то незаметно наш разговор перешел в спокойное обсуждение насущных проблем, перемежавшееся интересными историями.

Мы сидели так до прихода мамы, а потом пили с ней листовой чай, заедая его неубедительными пирожными из супермаркета. В десять часов мы с Алисой заторопились в ее Медведково, куда я весьма рыцарственно довозил ее каждый раз. Брат сообщил, что сегодня остается. Я обрадовался, потому что это обычно означало совместный просмотр какого-нибудь интересного артхаусного фильма, и пообещал вернуться как можно скорее.

Когда мы уже стояли в прихожей, брат напомнил мне про билеты. Он давно хотел сходить со мной на концерт некоего модного джаз-бэнда, игравшего в маленьких клубах. Билеты на него разлетались очень быстро, но я ждал денег за последний небольшой перевод. Раньше брат всегда покупал билеты на свои деньги, но теперь я уже стал самостоятельной финансовой единицей и активно стремился платить за все сам. Брат, уже подаривший мне и «Дип Перпл», и «Машину времени» на Красной площади, и старенького Клэптона, не возражал. Он был, по своему, довольно чутким братом.

Обычно наши совместные походы на концерты были сугубо личным занятием. Я никогда не брал с собой ни друзей, ни девушек, он тоже приходил один. Такая же история была с совместными выходами мамы и брата в свет. Он водил маму в оперу, на современный и классический балет и открытия модных выставок. Мать тогда надевала что-то неопишимо элегантно – брат, безусловно, унаследовал свое чувство стиля у нее, – и они шли такие прекрасные и недосягаемо светские, что мне невольно становилось обидно. Мы тоже часто ходили с матерью в кино или на выставку, но это всегда получалось буднично и немного устало. У меня не хватало ни денег, ни подходящих знаний в области современного искусства, чтобы водить куда-нибудь маму так же шикарно, как это делал брат.

Я должен был понимать в свои полные двадцать лет, что нарушение традиций обычно ведет к революциям. А они, как известно, ничем хорошим не заканчиваются. Но я никогда особенно не любил джаз, в отличие от брата, и втайне побаивался, что мне на этом концерте будет невообразимо скучно. Поэтому я обернулся к Алисе, которая уже оделась и ждала меня, и спросил ее:

– Ты хочешь пойти с нами?

II. Алиса

«Знаешь, одна из самых серьезных потерь в битве – это потеря головы».

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»

Я ехала в метро, и, как обычно, это было ужасно. Почему, ну почему каждый, кто проходит мимо, должен обязательно задеть мой подрамник? Почему, впихивая меня в вагон, толпа обязательно пытается стянуть подрамник с плеча и утащить его куда-то вглубь? Почему, когда вдруг чудом удастся сесть и выдохнуть после пяти пар с неизбежной последней физкультурой, ты чувствуешь на себе лишь исполненные ненависти взгляды?

В тот день места не нашлось. Подрамник больно упирался в ногу, потому что какой-то идиот все время тянулся к поручню и налегал на меня со всей силой. Какой смысл за что-то держаться в такой толпе, если, даже потеряв сознание, ты все равно останешься стоять?

Но я терпела, потому что у меня была моя путеводная звезда, моя морковка, за которой я бежала, как послушный измученный ослик. Завтра я шла на концерт, и в моей жизни это могло считаться большим событием. У меня не было компании, с которой я могла бы приобщиться к концертной жизни. Родители водили меня в детстве на классику, но когда я начала готовиться к поступлению, у меня больше не оставалось на это ни времени, ни сил. Пару раз я ходила со школьными подругами на что-то, что нравилось им и не нравилось мне, и больше этот опыт не повторялся.

Мы с Мишей шли на джаз. У меня был мужчина, который мог купить билеты и повести меня в клуб на джазовый концерт. Поэтому даже идиот, почти сломавший ногу подрамником, уже не сильно меня расстраивал.

Я давно думала о Мише как о своем мужчине. Тот факт, что он не мог называться моим мужчиной в полном смысле этого слова, не очень меня смущал. Мы негласно считали, что строим высокие отношения и что до стадии менее высоких еще не дошли.

Конечно, мне не очень нравилось, что с нами шел Мишин старший брат. Гораздо интереснее было бы сходить вдвоем. Кроме всего прочего, родители два дня назад уехали на Шри-Ланку, и несколько раз в мою голову закрадывалась мысль, что, наверное, это подходящий случай перевести наши отношения на новый уровень. Не то чтобы мне как-то особенно этого хотелось, просто я считала, что это будет по-своему правильно.

Но с нами шел Сандр, высокий, молчаливый, загадочный, и это несколько нарушало картину идеального свидания. Конечно, вряд ли он тоже поедет провожать меня в Медведково, но почему-то мне казалось, что от него можно было ожидать и такого. Он показался мне немного странным, этот брат.

Перед концертом мы встречались в метро. Когда я приехала с классическим пятиминутным опозданием, они оба уже ждали там, и издали особенно бросалось в глаза, как они на самом деле похожи. При этом Мишка не пытался снять кальку с брата, как это часто бывает в подобных случаях. Просто они оба были такими. Как немецкие рапидографы, ни с того ни с сего пронеслось у меня в голове.

Мы вышли на улицу, на холодный февральский ветер, и Мишин брат остановился закури́ть. Он по-старомодному прикуривал от спичек, и под резкими порывами это получилось не сразу. Мы с Мишей ждали, стоя в нескольких шагах от него. Я мерзла и думала, что из-за этого чертова пижона сейчас окончательно продрогну в своем стильном коротком пальто. Купил бы себе зажигалку.

Зазвонил телефон. Миша посмотрел на номер, пробормотал «мама» и поднес трубку к уху. Некоторое время он задавал вопросы в духе «что? где? когда?» и неопределенно мычал

в ответ. Наконец сказал «скоро будем», и я услышала протестующие интонации на том конце. Миша отключился.

– У мамы машина сломалась. Она в Митино.

– Едем к ней? – спросил брат, элегантно затягиваясь.

Миша посмотрел на него, а потом на меня.

– Ты ведь очень хотела сходить на концерт?

Я молчала. Я очень хотела сходить на концерт, у меня вообще были далекоидущие планы на этот вечер, никак не связанные с Митино и поломанными машинами. Но говорить об этом сейчас казалось не очень вежливым.

– Знаете что, – сказал Миша после минутного раздумья, – давайте вы вдвоем пойдете, а я поеду к маме. Я вообще-то не очень люблю джаз.

Брат вскинул брови. Я молчала. Перспективы вечера менялись стремительно.

Миша торопливо посмотрел на часы в телефоне.

– Значит, решили, – сказал он, хотя никто еще ничего не решил. – Все, мне пора. Хорошего вечера!

И он сбежал вниз по ступеням так стремительно, что никто из нас не успел ничего сказать. Мы стояли у входа в метро. Неловкость ситуации холодным сквозняком обдувала мне колени. Отлично, подумала я саркастически. Вечер удался.

– Черт, – пробормотал Сандр, глядя себе под ноги, – надо было поехать с ним.

Я кивнула. Мы еще немного постояли – и пошли в сторону клуба.

Потом я часто пыталась понять, о чем думал Миша, оставляя свою девушку со своим старшим братом. Наверное, он просто настолько беспокоился за маму, застрявшую в незнакомом Митино, что как-то не подумал обо всей немыслимости происходящего. Самым логичным, на мой взгляд, было бы отпустить Сандра и спокойно идти в клуб вдвоем. Но Миша вбил себе в голову, что это он непременно должен спасти маму, а я непременно должна сходить на концерт, и в этом раскладе все выглядело довольно разумно.

А может, он и впрямь совсем не любил джаз.

В клуб только начали пускать, мы долго топтались в длинной очереди на вход. У гардероба Сандр принял у меня пальто с каким-то легким автоматизмом, исключаящим галантность. Мы сели за столик, он спросил, буду ли я что-нибудь пить. Я отказалась. Он взял себе стакан минеральной воды. Концерт долго не начинался, подчеркивая свою модность. Мишка написал мне, что он нашел друга, живущего в Митино, они вместе отбуксировали машину к другу во двор, и теперь он с мамой едет домой. У меня сразу отлегло от сердца. Раз у них все было в порядке, мы вроде как вполне имели право получать удовольствие. По крайней мере, так казалось мне. Не знаю, о чем думал Сандр. Он молчал и делал иногда небольшой глоток своей минералки.

Первый раз в жизни я ходила на джазовый концерт – и не запомнила из него ничего. Я даже не могла сказать, понравился он мне или нет. Когда бэнд после третьего биса удалился, я почувствовала лишь некоторое облегчение.

Обратно к метро мы тоже шли в полном молчании. На платформе я спросила Сандра, куда ему ехать. Он немного нахмурился и заметил, что ему, наверное, следует проводить меня до дома. Я посмотрела на часы над тоннелем. Начало двенадцатого. Я согласилась.

Мы молча доехали до Медведково, молча дождались автобуса, молча в него сели. Еще когда мы стояли на остановке, я обернулась посмотреть, не идет ли с другой стороны маршрут, и случайно встретила взглядом с Сандром. Он смотрел на меня с какой-то странной сосредоточенностью – как будто у него очень сильно болела голова. Может, она у него действительно болела. Мне было все равно. По правде сказать, я чувствовала себя очень неудобно от того, что он провожает меня. Хотелось поскорее от него избавиться, лечь в теплую постель и почитать какую-нибудь приятную книжку.

Когда мы добрались до моего дома, я остановилась и неловко повернулась к Сандру. Вроде как ему полагалось попрощаться и двинуться в обратную сторону, но он продолжал стоять, засунув руки в карманы, а я все больше мерзла в своем красивом, коротком и легком пальто. Он морщился, как от настоящей мигрени, и вместо того, чтобы сказать: «Большое спасибо, спокойной ночи», – я спросила:

– У тебя болит голова?

Сандр вздрогнул и посмотрел на меня несколько растерянно, как будто не очень понимал, о чем я его спрашиваю.

– Немного, – пробормотал он наконец.

– Может, надо напоить тебя чаем и дать какую-нибудь таблетку?

Он постоял, снова глядя куда-то в сторону.

– Наверное, это будет правильно, – согласился он.

Прозвучало это так, как будто он имел в виду что-то совсем другое. Я кивнула и пошла к подъезду.

Когда мы ехали в лязгающем и скрипящем лифте, Сандр спросил:

– А твои родители не удивятся, что ты привела домой в полночь незнакомого мужчину?

– Не удивятся. – Я вытащила из сумки ключи. – Их нет дома.

Краем глаза я заметила, что он совсем скривился от боли.

В квартире было по-особенному тихо. Я всегда замечала, что тишина в пустой квартире звучит совершенно по-разному в зависимости от погоды, времени суток и сезона. Ночью, особенно зимой, квартира становится какой-то совершенно сухой и жесткой. Начинает казаться, будто все, что делаешь, по-своему преступно.

Я привела в дом мужчину, которого видела ровно два раза в жизни, а мои родители при этом отдыхают на Шри-Ланке. По своим собственным меркам я вела себя архипреступно.

Сандр бесшумно проследовал за мной на кухню и сел на табуретку, какой-то совершенно замученный. Я даже начала его немного жалеть.

В гостиной, в полной темноте, я долго искала в аптечном шкафчике нужное лекарство. Почему в темноте? Никто не знает.

– У меня есть нурофен, цитрамон и но-шпа, – сообщила я, вернувшись на кухню и выкладывая таблетки на стол. – Выбирай.

Он уже не сидел, а стоял у окна спиной ко мне и никак не отреагировал на мои слова. Я заварила чай, потому что точно знала, как плох пакетированный чай в лечебных целях. Достала чашку, ложку, подвинула сахарницу на середину стола.

– Чай готов, – позвала я тихо.

Он повернулся, и у меня в голове пронеслось слово «скорая». Его лицо было серым, с зеленоватым отливом, и глаза болезненно сосредоточены.

Он снова сел, взял какую-то из таблеток и налил себе очень крепкий чай. Я стояла у плиты, не очень зная, куда себя деть. Полночь, февраль, Медведково, в моей кухне сидит практически незнакомый мне человек с жутким спазмом. Мама, что делать.

После нескольких глотков чая Сандр прислонился к стене и закрыл глаза. Лицо постепенно утратило землистый оттенок, и лоб как будто слегка расслабился.

– Лучше? – спросила я.

Он слегка кивнул.

– И часто с тобой такое бывает?

Сандр слабо улыбнулся.

– Такое – не часто.

Опять мне показалось, что он имел в виду что-то совсем другое.

Некоторое время на кухне стояла тишина. Я изредка поглядывала на часы. Еще чуть-чуть, подумала я, и он не успеет на метро. И мне придется оставить его ночевать. Полночь, февраль, Медведково, я одна в квартире с двадцативосьмилетним мужчиной. Мама, что делать...

Почему я не позвонила Мише? Почему не рассказала ему обо всем? Приехать он бы уже не успел, но я хотя бы поставила его в известность. Не чувствовала бы себя преступницей, скрывающей у себя в квартире...

Что? Безумное чаепитие на кухне? Странного элегантного типа, страдающего чудовищными мигренями и закуривающего от спичек?

Бред.

Сандр открыл глаза с видом человека, приходящего в себя после клинической смерти. Никогда не наблюдала такого, но мне казалось, это должно выглядеть именно так.

– Здесь можно курить?

Я покачала головой.

– На балконе?

– Да. Там даже пепельница гостевая есть.

Он кивнул и встал. Я проводила его через темную гостиную на балкон и почему-то сама тоже вышла. Ветер пробирал насквозь, плитка обжигала ноги холодом через тапочки. Я по-прежнему была в своем «джазовом» платье и тонких колготках. Сандр стоял на ледяном полу в одних носках и, судя по всему, не испытывал ни малейшего дискомфорта.

– Ты замерзнешь, – бросил он через плечо.

Я послушно кивнула, как маленькая девочка, и вернулась на кухню. Полпервого. Он точно не успеет на метро. Ну и хрен с ним, подумала я вдруг сердито. Пускай добирается, как знает. Не виновата же я, что он вдруг собрался тут помирать. Это не мои проблемы.

Я уже начала печатать Мише сообщение с вопросом, очень ли невежливо будет выкинуть его брата из дома почти в час ночи, когда почувствовала на себе взгляд Сандра. Я подняла глаза. Его лицо выглядело непроницаемым.

– Я думаю, мне пора.

Я кивнула. Он прямо-таки читал мои мысли.

– Спасибо большое за... угощение.

– Не за что.

Он еще немного постоял, потом исчез в прихожей. Я отложила телефон и вышла его проводить.

– А как ты поедешь? – спросила я. – Метро уже не работает.

Он стоял на одном колене, завязывая шнурки.

– Во-первых, я могу взять такси. А во-вторых, идея прогуляться пешком не кажется мне такой уж страшной.

– Ты замерзнешь, – повторила я его фразу.

Поверх свитера у него было только пальто, еще более тонкое и стильное, чем мое. Не самая подходящая одежда для ночных прогулок зимой.

– Вряд ли, – усмехнулся Сандр, вставая. Он был высоким, темным и каким-то... готическим. В архитектурном смысле этого слова.

И это оказалось опасным сравнением. Потому что готика давно стала моей страстью. Все свои работы в институте я посвящала тому, чтобы найти ее следы в современной архитектуре, все мои проекты, так или иначе, носили в себе ее черты. И вот передо мной стоял человек, абсолютно точно воплощающий в себе основополагающие принципы готической архитектуры. Я не знаю, в чем это выражалось. Во всем. И это открытие оказалось таким мощным эстетическим откровением, что я так и замерла на месте, совершенно забыв, что мне нужно попрощаться и запереть за ним дверь.

Готический собор смотрел на меня из-под недостигаемой высоты своих стрельчатых сводов.

То, что случилось потом, было совершенно диким в контексте всей моей предыдущей жизни, но достаточно логичным в контексте всего этого дикого вечера.

* * *

Свою интимную жизнь я начала с основательностью и продуманностью, свойственной большинству моих поступков. Мне казалось правильным, что по достижении шестнадцати или семнадцати лет девушка должна приобрести некоторый сексуальный опыт, чтобы потом, встретив любовь всей своей жизни, не испортить все своей непросвещенностью в самых главных вопросах. Опыт был мною успешно приобретен и, как почти любой первый опыт в этой области, оставил воспоминания в основном неловкие и не очень приятные. Поставив таким образом галочку в соответствующей графе личных свершений, я на время отложила в сторону сексуальный вопрос, бросив весь пыл юности на поступление в институт и последующую учебу в нем. Когда мы стали встречаться с Мишей, точнее, когда он стал встречать меня у МАРХИ и провожать до дома, с редкими заходами к нему на чай, мне очень импонировала наша тактика серьезных отношений. Я не очень понимала, зачем обязательно нужно раздеваться, пыхтеть, стонать и притворяться довольными. Во-первых, эта галочка у меня вроде как уже имелась. Во-вторых, оно все как-то не соответствовало нашей с Мишей истории. Хотелось чего-то серьезного и красивого. Я искренне надеялась, что так тоже бывает.

На очень скромный практический опыт я нарастила достаточно приличный кусок опыта теоретического. Я внимательно смотрела фильмы и вычитывала пикантные сцены в книгах, пытаюсь по возможности прикинуть, что чувствуют люди в этот момент или – что чувствовала бы я на их месте. Были вещи, казавшиеся мне достаточно логичными, были и те, что вызывали у меня искреннее недоумение. Например, я не могла представить, как можно заниматься любовью на полу. Там же жестко и неудобно, думала я – и искренне сочувствовала главным героям.

Моей главной ошибкой, как выяснилось, стала попытка подойти к этому вопросу с точки зрения логики.

Оказалось, что логика вообще тут ни при чем. Оказалось, что все вопросы в жизни вообще, как то: добро и зло, хорошо и плохо, правильно и неправильно, нужно и не нужно – могут терять свое незыблемое значение. Оказалось, что это все вообще не важно. Совершенно.

В общем, много чего оказалось.

Кроме всего прочего, мне никогда бы не пришло в голову, что мужчина может так чувственно и нежно одевать женщину. Раздевать – да, конечно. Это казалось в рамках логики. Одевать?..

Но когда его руки застегнули молнию платья и осторожно развернули меня за плечи, мне показалось, что меня запаковали вместе со всем тем, что неожиданно рухнуло на меня. Как будто я стала ходячим сосудом, вместившим в себя все то абсолютно невместимое, что сейчас произошло. Останься я голой, я бы непременно расплескала все это, растеряла бы по частям.

Но я стояла, совершенно одетая, в своей собственной прихожей, и передо мной стоял совершенно одетый мужчина. И все, что произошло, было надежно запаковано, сохранено, спрятано. Мы ничего не растратили зря.

Он ушел, не сказав ничего, не поцеловав меня на прощание. Слишком хорошо мы все спрятали. Нельзя было терять ни капли.

Я вернулась на кухню и взяла в руки телефон. Там оказалось сообщение от Миши: «Надеюсь, ты дома и все в порядке». Да, написала я, все в порядке. Спокойной ночи. Уже потом я поняла, что следовало сказать что-нибудь про концерт. Но было поздно.

Я посмотрела на стол. Там лежали нурофен и цитрамон. Значит, он пьет но-шпу, подумала я машинально и пошла убрать остальные таблетки на место. Включать свет теперь казалось просто кошунственным.

Из гостиной я вернулась на кухню. Постояла, не сводя взгляда с одинокой чашки на столе. Села на пол. Легла. И уснула.

Иногда уснуть на полу – это единственно верное решение.

* * *

Наутро меня ждал институт. Всю первую пару я тупо смотрела на ручку и тетрадь. Что-то нужно было с ними делать, что-то такое логичное и понятное. Но я никак не могла вспомнить, что именно.

Вторая пара прошла похожим образом. В перерыве я подошла к преподавателю, который вел семинар следующие три часа, и сказала ему, что очень неважно себя чувствую. Скорее всего, выглядела я тоже не очень, потому что он тут же меня отпустил. Я зашла в Дом иностранной книги на Кузнецком и купила «Pride and Prejudice»⁴. Женский роман. Деятнадцатый век. Чистый и незамутненный английский язык. Я верила, что это поможет.

Изначально я планировала доехать до «Тургеневской» и сесть там в каком-нибудь кафе, но вовремя сообразила, что это слишком близко к Мишке. Поэтому вышла на «Проспекте мира», спряталась в «Макдоналдсе», в самом дальнем углу, и просидела там часа четыре. По мере того, как спина и шея постепенно стали затекать, все вокруг начало обретать какие-то признаки здравого смысла. Стараясь не растерять это ощущение, я быстро поехала домой. Села за рабочий стол. Дописала курсовую. Посидела над проектом. Поговорила с родителями по скайпу.

Все шло хорошо. Мишка написал, что едет сегодня вечером разбираться с машиной. Я даже пожалела, что из-за этого нельзя позвать его к себе. Казалось, если Мишка приедет, жизнь окончательно пойдет на лад.

В одиннадцать часов вечера раздался звонок в дверь. Значит, Мишка сам решил приехать ко мне. Я слегка смутилась и одновременно обрадовалась. Он никогда не делал ничего без предупреждения. Но от этого мне было еще приятнее.

Я была абсолютно уверена, что это Мишка, и открыла дверь, не посмотрев в глазок. Непростительное поведение для девушки, которая находится в квартире одна.

Его плечи и волосы были в снегу, и лицо такое, что мне самой стало нехорошо. Кажется, эта штука называется эмпатией.

– Опять так сильно болит? – спросила я вместо приветствия.

– Нет, – ответил Сандр довольно резко. – Я могу войти?

Я молчала. В голове крутилось множество фраз, которые следовало сказать в подобном случае, среди них почему-то: «Но я другому отдана, я буду век ему верна». Но даже этого не стоило говорить на пороге.

– Заходи.

Он отряхнул полурастаявший снег с пальто и ботинок. На волосах вместо белых хлопьев появились крупные капли. Мне страшно хотелось убрать их, они как-то мешали в этот момент моему представлению о гармонии и красоте мира.

И я не удержалась. Я просто провела, не задумываясь, рукой по его волосам. Он поднял глаза и поймал мою руку неувлимым, стремительным движением.

Что-то я собиралась ему сказать. Что-то очень важное. Но это уже не имело смысла. Смысл, пронеслось в голове, вообще категория относительная.

⁴ «Гордость и предубеждение», роман английской писательницы Джейн Остин.

До сих пор я считала себя хорошей дочерью. Я любила оставаться дома одна, но скучала по родителям и ждала их возвращения. У нас была классная семья.

Сейчас я мечтала о том, чтобы на Шри-Ланке случился ураган. Шторм. Землетрясение. Цунами. Что-нибудь такое, что отложило бы прилет родителей хотя бы на несколько дней. Недель. Месяцев. Чтобы они вернулись, но когда-нибудь потом. Очень сильно потом.

Он приходил каждый вечер, и каждый вечер у него было такое лицо, как будто он только что вернулся из ада. У меня не находилось другого определения для той боли, что пряталась в его темных глазах. Как будто его жарили в раскаленном масле, и он знает, что завтра оно будет еще раскаленнее.

Я не знала, в чем дело. Я вообще ничего не знала. Я тихо сходила с ума, пытаюсь как-то ему помочь. Я гладила его голову, я целовала его, но это как будто только делало все еще хуже. Тогда я, полная самоотверженности, пыталась отстраниться, и он возвращал меня к себе, и все начиналось снова.

В те дни я наконец поняла всю мучительную красоту готики.

Через несколько дней Мишка встретил меня у института. Это было нормой, правилом, во вторник он всегда встречал меня, но я очень удивилась. Сказала, что у меня страшно много дел и нет времени к нему заходить. Он наверняка почувствовал что-то, потому что всю дорогу молчал, а потом у подъезда вдруг схватил меня и поцеловал так, как никогда не целуют девушку, если строят с ней серьезные отношения. Если только не уходят на фронт.

Они даже целовались одинаково. О, боги.

Наверное, в тот вечер мое лицо было ненамного лучше его, потому что Сандр на время забыл о своих чертах и сковородках. Он сидел передо мной на коленях, а я редела в кухонное полотенце и говорила, какая я мерзкая двуличная сволочь. Он спросил, будет ли мне легче, если Мишка обо всем узнает. Я не знала.

На следующий день прилетали родители. Это означало, что вечером никто ко мне не придет. Я шла по бульвару, пытаюсь убедить себя, что мне нужно зайти к Мишке и все ему рассказать, когда от него пришло короткое, но содержательное сообщение. «Уроды».

Я стояла на бульваре, было холодно и мокро. Вечером прилетали родители, которые вообще ничего теперь обо мне не знали. И он не придет, и я даже не знаю номера его телефона. Раньше это было не нужно. Он приходил каждый вечер.

Конечно, я могла спросить телефон у Мишки. Отличная идея. Наверное, это оказалось бы одним из самых изощренных способов Мишку добить. Мишку, который вообще ни в чем не был виноват.

Не знаю, как Сандр меня нашел. Логично было предположить, что он только что заходил к Мишке и шел мимо, когда увидел меня. Но в тот момент мне показалось, что он просто меня нашел.

Он сгреб меня в охапку и куда-то поволок за собой, дотащил до припаркованной машины и почти запихнул в нее. Странно, подумала я. Мне казалось, что он должен перемещаться в пространстве как-то по-другому. На крыльях, например.

Мы ехали в московских сумерках по московским пробкам, по радио крутили Земфиру, мокрый снег лип к лобовому стеклу. Я не выдержала и спросила:

– Любовь всегда такая ужасная, или это просто мне так повезло?

Он вздрогнул и посмотрел на меня. Мы никогда не говорили, что любим друг друга. Это было как-то слишком очевидно.

– Нет, не всегда, – ответил он. – Но замечание верное, – добавил он тихо, снова глядя вперед.

Когда мы добрались до Медведково, уже окончательно стемнело. Родители приземлились и вот-вот должны были вернуться домой. Сандр проводил меня до дверей и собирался уходить.

– Оставь мне свой номер телефона. Пожалуйста.

Он покачал головой.

– Мне нужно иметь возможность тебя найти. – Мой голос показался мне самой отвратительно просящим.

– Это бессмысленно. Меня нельзя найти по телефону.

– Но...

– Чщ-щ-щ. – Он положил руки мне на плечи и слегка наклонился вперед. – Я сам буду тебя находить.

– Где?

В его глазах что-то сверкнуло, он опустил руки и выпрямился.

– Везде.

И ушел. Мы не расплескивали себя зря.

* * *

Конечно, родители что-то заметили. Мама пыталась выяснить у меня, как я жила в их отсутствие, и я, в конце концов, честно призналась, что поссорилась с Мишкой. Мама расстроилась. Мишка ей нравился.

И мне тоже. Мне тоже он нравился. Он был мягким, вежливым и внимательным.

Совсем как его брат.

Первый день после возвращения родителей оказался страшным. Утром, в институте, я поняла, что не знаю, когда он меня найдет. Сегодня? Завтра? Через месяц? Через год? Дело было не в том, что жизнь без него не имела смысла. Конечно, в ней оставался смысл. Много вещей, которые были важны. Много вещей, которые, наверное, были даже важнее. Но теперь я смотрела на них другими глазами. Теперь все приходилось видеть заново, чувствовать заново.

Первый день стал классическим днем сумасшествия. Я не могла думать, не могла спать, не могла есть. Но на второй день я заставила себя думать. На третий я смогла уснуть. На четвертый я захотела есть.

Только теперь я жила как будто... без руки. Или без ноги. Или без одного легкого. Без чего-то, в общем. Без этого чего-то можно было жить. Но этого чего-то очень не хватало.

На пятый день он вошел в вагон на Сухаревской, ровно в ту дверь, у которой я стояла. Это, конечно, могло быть просто совпадением.

И это, конечно, не имело никакого значения.

Он действительно находил меня везде. Когда я ездила на дачу к подруге, встречала его в электричке на обратном пути. Когда я садилась в набитую маршрутку с утра, он был там. Когда я возвращалась на метро из института, он ждал меня за раскрывающимися дверями вагона.

Иногда нам не хватало физической близости, той, что стала началом всей этой запутанной истории, и тогда мы срывались. Пропустить институт, пока родители на работе. Снять номер в отеле на час. Поехать куда-нибудь на машине. Верхом безумия было подождать, когда Мишка и его мама уйдут из их квартиры, но и это случалось.

Мы встречались не каждый день. И, судя по всему, его черти не сидели без дела. Иногда он выглядел так, что я пугалась и думала, не надо ли ему лечь в больницу. Хотя внутренний голос подсказывал, что больницей тут не поможешь.

Хуже всего было то, что я знала, что он все время проводит в своем аду. Я несколько раз пыталась спросить, что же все-таки с ним происходит, но он лишь качал головой в ответ. Я спрашивала, могу ли я чем-нибудь помочь. Он молчал.

Я не думала, что дело во мне. Или, точнее, что дело только во мне. То, что мучило его, было как-то связано с нами, но не напрямую. Он не выглядел так только из-за того, что страдал от слишком сильных чувств ко мне. По крайней мере, я не позволяла себе так думать.

Мечта любой девушки – загадочный мужчина, молча страдающий неизвестно от чего. Появляющийся из ниоткуда и уходящий в никуда. Смотрящий на тебя такими глазами, что «Ромео и Джульетта» начинают казаться легкой комедией.

Девушки вообще часто мечтают о том, о чем не имеют ни малейшего представления.

Они не знают, что такое ехать в метро, мучительно ожидая приближения следующей станции. Десять раз туда, десять раз обратно. Оборачиваться на каждом переходе. Смотреть в каждое лицо. Искать, искать, искать. Искать того, кого невозможно найти.

Когда читаешь такие истории в книгах, они кажутся невероятно романтичными, прекрасными, пьянящими. Когда попадаешь в эту историю сам, в ней не оказывается ничего пьянящего, прекрасного или романтического. Ты просто живешь от встречи до встречи, в промежутках пытаешься чем-то залатать дыры в мироздании. Иначе это нельзя было назвать. Казалось, что время ползет мучительно медленно, и поэтому в результате оно утекало между пальцев. Я училась в состоянии постоянного надрыва, все сдавая в последний момент, слишком прирожденная отличница, чтобы забыть про все, слишком увлеченная любовница, чтобы ни о чем не забывать.

Я чувствовала себя именно так, любовницей, потому что, будь я его девушкой, все было бы нормально, а не как в дурном кино. Я бы познакомила его с родителями. Он привел бы меня к себе домой (ведь должен же он где-то жить, когда не ночует на Чистых!). Мы не прятались бы от всего мира, мы любили бы друг друга открыто и радостно.

Сандр ни о чем не просил меня, но я сама как будто чувствовала необходимость скрываться. Я ничего не говорила родителям, я ничего не рассказывала подругам. И те, и другие понимали, что что-то со мной случилось. И те, и другие пытались поговорить. От подруг отбиться оказалось довольно легко. Сложнее дело обстояло с мамой. Слишком долго и слишком хорошо мы друг друга знали. Как-то вечером, когда папа еще не вернулся с работы, она спросила у меня напрямую, что происходит. Я не ответила.

– У тебя роман, – сказала мама наконец. Она не спрашивала.

Я кивнула, потому что отрицать это было бессмысленно. Она и так все знала. А я слишком устала.

– И ты не хочешь об этом говорить.

Я снова кивнула.

– Он женат?

Я задумалась. Почему-то эта мысль никогда не приходила мне в голову.

– Не знаю.

– А если бы узнала, тебя бы это остановило?

– Не знаю.

Я вдруг почувствовала такую зверскую усталость, что еле-еле усидела на табуретке. Хотелось лечь на пол и закрыть глаза.

– Бедная моя девочка, – вдруг сказала мама, подошла и обняла меня.

Я не сразу поняла, что реву. Нервы, подумала я. У меня к черту расшатались нервы.

Мама подождала, пока я нахлюпаюсь вдоволь, поглаживая иногда меня по спине. Потом, когда я умылась и вернулась отпаиваться чаем, она спросила полушутя:

– Он хоть красивый?

Я усмехнулась, вернее, икнула с улыбкой.

– Как готический собор.

Моя мама была искусствоведом. Она поняла.

* * *

Наступила весна, и с ее приходом появилось ощущение, что все невероятное однажды может стать нормальным. Я начала привыкать к тому, что он приходил и уходил. Теперь я могла спокойно отсчитывать дни между этими короткими, иногда очень странными свиданиями. Я научилась делать то, что должна была бы, если бы жизнь оставалась действительно нормальной. В конце концов, говорила я себе, многие люди так живут. А многие живут еще хуже. Не все так плохо.

Мне пришлось изменить круг чтения. Вместо умиротворяющей классической литературы теперь пошел сплошной двадцатый век с его драмами и кошмарами. Я два раза подряд прочитала «Глазами клоуна», приговаривая, что у меня вообще все отлично. Гораздо лучше, чем могло бы быть. Романы о Второй мировой тоже шли неплохо. Не говоря уж о Солженицыне.

Мама, зная некоторую часть моей тайны, способствовала тому, чтобы иногда я могла видаться с Сандром, почти не скрываясь. О чем она думала, моя мама? Не знаю. Наверное, какое-то материнское шестое чувство подсказывало ей, что я стараюсь делать все так правильно, как могу. Я действительно старалась. Мне удалось снова начать хорошо учиться. Я даже нашла халтурную подработку – стала делать визуализации для одного американского архитектурного бюро, что привело в полнейший восторг моего папу. Он считал это очень многообещающей работой. Я в ней ничего многообещающего не видела, но за папу радовалась. Я и впрямь старалась делать все правильно.

Иногда я даже думала, что надо покончить с этими странными, ненормальными отношениями.

Я, наверное, додумала бы эту мысль до конца, если бы не глаза Сандра. Слишком много было в них ужаса. Даже если бы вдруг я стала совершенно к нему равнодушной, я и тогда не смогла бы его бросить. Нельзя бросать утопающих. Особенно если они тонут в раскаленном масле.

Однажды я не выдержала и задала Сандру тот вопрос, который задала мне моя мама, – женат ли он. Он удивленно посмотрел на меня, потом рассмеялся.

– И ты решила, что это причина моих душевных терзаний?

Я промолчала. Вопрос показался неожиданно очень глупым.

– Нет, родная. – Сандр наклонился и поцеловал меня в глаза. – Если бы дело обстояло так, все было бы значительно, значительно проще.

Он всегда называл меня «родная» и целовал в глаза. Это казалось мне верхом чувственности.

Мы стали иногда куда-нибудь вместе ходить. Сандр прекрасно разбирался в кино, театре. Говорил о современном танце как большой знаток. Порой у него то тут, то там проскальзывали фразы, из которых следовало, что ему знакомы не только московские постановки. И что он видел их все своими глазами.

Мы обсуждали литературу, но это оказалось довольно сомнительным удовольствием для меня. Как будто я говорила с профессиональным альпинистом о своем единственном в жизни восхождении. Я вздыхала и с новой силой бралась за книги.

Он стал дарить мне цветы. Как если бы наши отношения раскручивались задом наперед, от невозможной, немислимой близости первых дней мы постепенно возвращались к тому, с чего следовало бы начать. Я стала лучше одеваться. Теперь, выходя утром из дома, я могла думать, что день будет или нормальным, или прекрасным.

Папа заметил обилие цветов и мой изменившийся внешний вид – и задал тот вопрос, ответ на который мама знала уже много недель назад. Я была честной девочкой. Когда он спросил: «У тебя роман?» – я, немного подумав, ответила:

– Наверное, это наиболее разумное объяснение происходящего.

Папа кивнул, но, к моему удивлению, больше никаких вопросов задавать не стал. Может быть, мама уже рассказала ему какую-нибудь убедительную историю. Может быть, он считал, что это было вне его компетенции. Я не знала.

Май выдался теплым и даже оптимистичным. Наверное, все дело было не в привычке или, во всяком случае, не только в ней. Просто то, что кажется совершенно безнадежным в феврале, в мае начинает выглядеть вполне перспективным.

В конце месяца, в разгар моих бесконечных сдач, родители собрались на выходные к друзьям на дачу. Я ликовала. Я считала это подарком небес. Я жила в предвкушении их отъезда.

В свой первый одинокий вечер мне нужно было готовиться к экзаменам. Я честно читала учебник, писала ответы – и не помнила ничего из того, что записывала. Я знала, что он придет. Он находил меня везде. Он, наверное, достал бы меня из-под земли, если бы в этом была необходимость. Он знал, что я его жду.

Сандр пришел, но когда я увидела его, то не почувствовала никакого облегчения. Вы любите смотреть, как ваших близких пытаются? Я – нет. Совсем не люблю.

Он стоял в моей прихожей, высокий, со стрелчатými арками, резными аркбутанами и тонкими нервюрами. Каменный. Сейчас это стало видно.

– Ты как себя сейчас чувствуешь? – вдруг спросил Сандр.

Это был странный вопрос. Он обычно безо всяких слов знал, как я себя чувствую.

– Нормально, – ответила я неуверенно.

– Хорошо, – сказал он.

Мы немного постояли молча. На улице полил дождь, и в прихожей стало почти темно.

– Я уезжаю.

Тишина. Я не знала, как правильно обработать эту информацию. Его слова, и особенно тон, которым они были сказаны, исключали возможность таких бытовых вопросов, как куда или насколько.

– Прости меня, – продолжил он.

Я прямо видела перед собой эти тонкие нервюры, эти сложные своды. Что им до нас, простых смертных, которые ходят вниз? Мы умрем, а они вечны.

– Хотя я вряд ли думаю, что это возможно, – продолжил Сандр. – Я бы не простил.

Я наконец смогла найти нужное слово:

– Почему?

Вот. Мне удалось задать правильный вопрос. Он давал надежду, что все станет яснее. Пока все было совершенно неясно. Только своды и нервюры.

Он долго смотрел на меня. Потом вдруг наклонился и поцеловал.

Наверное, солдаты, уходящие на фронт, все-таки не так целуют на прощание своих девушек. Мне кажется, у каждого нормального солдата должна быть хоть какая-то надежда, что он вернется.

– Поэтому, – сказал он тихо. Потом осторожно поцеловал мои закрытые глаза и ушел.

Я не стала бежать за ним. Какой смысл пытаться дотянуться до высоких сводов? Мы умрем, а они – вечны.

* * *

Конечно, я попыталась его найти. Нет, даже не найти. Что-то узнать. Что-то такое, что позволило бы жить в настоящем, а не в прошлом. Мне казалось, что если бы я знала, где он,

то могла бы заставить себя делать что-то осмысленное в этом мире. Просто знать, что он где-то есть. Почему-то сейчас уверенности в этом не было.

Я знала единственное место, куда могла пойти. Это казалось жестоким и гнусным, бесовственным и циничным, но что мне еще оставалось? Я даже не помнила номера его машины.

Когда я пришла к знакомой двери, мне никто не открыл. Я звонила достаточно долго, а потом села на ступенях, ведущих на следующий этаж, и стала ждать. Когда-нибудь они все-таки должны были прийти домой.

Мишка не сразу заметил меня. Он привычным движением свернул с лестницы сразу к квартире и, уже открыв дверь, видимо, все-таки ощутил чужое присутствие и обернулся. Долго смотрел на меня. Не знаю, что он увидел, но, скорее всего, черти теперь и надо мной потрудились на славу. Ни слова не говоря, Мишка сгреб меня со ступеней и втащил в квартиру.

Хватка у них тоже оказалась одинаковой.

На кухне Мишка, ни слова не говоря, поставил передо мной стакан и достал из холодильника бутылку водки. Потом немного подумал, вышел и вернулся с маленькой антикварной рюмкой из буфета. Я недоумевающе смотрела на него. Я не пью водку. Я пью вино и мартини. По праздникам и с друзьями. Умеренно.

Он налил полную рюмку и подвинул ее ко мне.

– Пей.

– Я не пью.

– Пей, кому говорят! – слегка прикрикнул Мишка, и я послушно взяла рюмку. Таким он раньше не был. Он вообще изменился. Стал старше. У него были серьезные темные глаза... как у его брата.

Я мысленно выругалась и выпила залпом. Хотелось еще и хватануть рюмкой об пол, но я так закашлялась, что на время забыла о своем намерении. Мишка ждал, пока я прочищала горло и вытирала навернувшиеся слезы.

– Он сегодня звонил.

Я замерла.

– Сказал, что улетает в Австралию. Очень выгодное предложение по работе.

Я кивнула.

– Он велел... – Мишка запнулся. Затем договорил тихо: – Он велел мне позаботиться о тебе.

И тогда это началось. Я сидела на табурете в старой обшарпанной Мишкиной кухне и качалась из стороны в сторону с маниакальной точностью маятника. Кажется, я еще что-то мычала, как человек с зубной болью, пытающийся дать ей хоть какой-нибудь выход. Я качалась и мычала, а сама думала при этом, что, наверное, точно так же в феврале Мишка сидел на этой самой кухне и, может быть, точно так же качался и мычал, потому что его брат увел у него любимую девушку. А теперь эта девушка сидит у него на кухне и качается и мычит, потому что этот самый брат ее бросил и уехал в Австралию на перспективную работу, и девушка пришла к Мишке, потому что больше прийти ей не к кому. И во всем этом Мишка был совершенно точно не виноват.

– Ну что ты, – сказал он наконец таким голосом, что я точно поняла: и качался и мычал. – Ну что ты, родная.

Я все-таки сделала это. Я разбила его рюмку о старую кафельную плитку. Иногда, чтобы что-нибудь не взорвалось, что-нибудь должно разбиться.

* * *

Вы знакомы с людьми, у которых нет руки или ноги? Я – нет, но я почти уверена, что хотя бы некоторые из этих людей вполне счастливы. Они учатся или работают, женятся или выходят

замуж, или, на худой конец, просто радуются своей жизни, такой, какая она есть. Некоторые из них становятся спортсменами, и этими людьми восхищается весь мир. Они живут не вопреки, они живут несмотря на. А иногда и просто живут.

Но если вы спросите у одного из этих людей, помнит ли он о том, что у него нет руки или ноги, я уверена, он ответит, что да. Наверняка случаются в его жизни счастливые моменты, когда на время он забывает об этом. Или когда просто привыкает настолько, что перестает замечать постоянно отсутствие какой-нибудь нужной части тела.

Можно научиться так жить. Можно привыкнуть. Можно достигнуть невероятных успехов. Можно доказать всему миру, что ты способен выйти за пределы возможного.

Но забыть – нельзя.

И в этом, наверное, есть какой-то смысл.

III. Ларс

*«Какой же толк в девочке, которая лишена всякого смысла?»
Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес»*

Хендрикс сказал, что скоро у нас будет новый архитектор. Очень крутой архитектор, уточнил он. Мы все страшно обрадовались. Помнится, я даже успел нарисовать себе в воображении брутального мужика, этакого Шварценеггера от пространств, который быстренько у нас тут все наладит. Нам очень не хватало хорошего архитектора. Конечно, Хелен с Гарри и Максом справлялись неплохо, в силу своих скромных возможностей, да и Хендрикс кое-что умел – но этого часто оказывалось недостаточно. И такое положение дел сильно расстраивало нас всех. Знакомые ребята из Амстердама проворачивали невероятные штуки, строили целые комплексы – хотя у них всего один архитектор, и не из самых толковых. Чем мы хуже?

Но теперь-то уж все пойдет на лад. Больше не надо будет тыркаться вслепую, всякий раз рискуя нарваться на что-нибудь непотребное. Появится возможность расширить свои горизонты, применить какие-нибудь новые системы... Да что там – даже наш родной офис отчаянно нуждался в реновации. Хендрикс уже два раза устраивал масштабную перестройку – но его возможности были все-таки сильно ограничены. Последний раз все закончилось тем, что мы два дня просидели без света.

Да, нам позарез нужен был кто-то крутой.

В какой-то момент я даже подумал, что Хендриксу удалось все-таки уговорить того парня. У меня даже дух захватило от возможных перспектив. Если бы он стал работать с нами...

А на следующий день Хендрикс привел ее. Нашего нового архитектора.

– Знакомьтесь все! – довольно бросил он с порога.

Все обернулись. В наступившей тишине было особенно хорошо слышно, как громко шумит вентилятор в одном из компьютеров.

Хелен осторожно поставила кружку на стол. Макс поморщился. Гарри вынул из уха наушник. Один только Гектор никак не отреагировал. Но это как раз было нормально.

Хендрикс обвел нас взглядом, и улыбка постепенно сползла у него с лица.

– Что это с вами? – пробормотал он, после чего нервно улыбнулся девочке, которая стояла рядом с ним. Вполне возможно, что он уже успел описать нас как очень милых и дружелюбных людей. И, в общем-то, несколько не приврал.

Просто сейчас мы находились в состоянии шока. Я, по крайней мере, точно.

Девочка-архитектор была среднего роста, стройная, но в этой стройности чувствовалась нездоровая худоба. Возможно, в свои лучшие дни она могла быть симпатичной или даже красивой – но точно не сегодня. Ее лицо удивительным образом не выражало абсолютно ничего – хотя она стояла посреди совершенно незнакомого ей пространства, в компании шестерых очень странных людей. Даже светлые волосы, собранные в не очень аккуратный хвост, добавляли ей неубедительности.

Девочка не смотрела на нас, она смотрела в пол со странной сосредоточенностью, а затянувшееся молчание постепенно стало завлакивать все пространство офиса тяжелой душной пеленой. Следовало что-то сказать, но все слова, которые шли на язык, были на редкость нецензурными. Я кинул взгляд на остальных. Они явно испытывали те же проблемы.

Но, с другой стороны, девочка совершенно не виновата в том, что Хендрикс успел наобещать нам тут с три короба.

– Как тебя зовут? – спросил я не очень любезно, и она резко вскинула голову.

Глаза глубокого серо-синего цвета встретились с моими, и на одно очень короткое мгновение я неожиданно увидел белоснежные горные вершины. Я удивленно моргнул. Видение пропало. Видать, в офисе впрямь стало не хватать кислорода, раз у меня пошли такие глюки.

– Меня зовут Элис, – ответила девочка спокойно.

Хендрикс посмотрел на меня с надеждой – видимо, он ожидал, что я поддержу светскую беседу и дальше. Я тяжело вздохнул. Компьютер, как будто чувствуя всеобщее напряжение, взвыл на октаву выше, пытаясь, вероятно, хоть немного охладить обстановку.

– И откуда ты к нам пришла?

– Из аэропорта Бостон-Логан, – ответила Элис. – Хендрикс быстро меня встретил.

Любопытно. Что она делала в Бостоне?

Хотя, с другой стороны, какое это сейчас имеет значение? А что я в свое время делал в Гималаях?

У каждого из нас своя история.

– Добро пожаловать. – Я шагнул вперед и протянул руку.

Элис пожала ее. Ее пальцы оказались неожиданно сильными. Цепкими.

– Меня зовут Ларс.

– Очень приятно, – кивнула Элис.

Я заметил, что она слегка морщится, как будто пытаясь собраться с мыслями. Но это было нормально. Конечно, наш офис – весьма дружелюбное пространство, но даже тут поначалу голова не очень хорошо справлялась.

Все по очереди – с некоторой неохотой – поздоровались с Элис. Последним был Гектор – он молча поднял руку в приветствии. Элис выжидающе смотрела на него, стараясь не пялиться на ярко-зеленый ирокез. Первой спохватилась Хелен.

– Это Гектор, – поспешила пояснить она, смущенно улыбаясь. Элис неуверенно кивнула Гектору. – Мы рады тебе, родная.

Все произошло очень быстро. Девочка Элис просто прикрыла глаза, и в то же мгновение в комнате резко подскочило напряжение, свет мигнул, погас, запахло паленой проводкой, и компьютер с душераздирающим стоном затих.

Некоторое время мы стояли в абсолютной тишине и темноте. Потом кто-то хлопнул в ладоши, и на потолке над нами зажегся одинокий квадрат света.

Хендрикс, задрав голову, сосредоточенно смотрел на лампу, видимо, пытаясь стабилизировать напряжение. Элис повернулась к нему. Выглядела она виноватой.

– Хендрикс, оно опять... Я говорила, что еще не готова.

– Глупости, – возразил он, все еще не опуская головы. – Ты отлично справляешься. Просто постарайся лучше контролировать свои эмоции. Здесь, в пространствах, им совсем не место, ты же знаешь.

Элис кивнула. Мы молчали.

Так мы узнали, что девочку Элис не стоит называть «родная». А еще – что она действительно очень крутой архитектор. Потому что только очень крутой архитектор может силой мысли обрушить напряжение в одном из самых защищенных пространств.

Впрочем, архитектор в пространствах всегда работает исключительно силой мысли. В конце концов, как еще прикажете работать в мире, который полностью придуман?

* * *

Однажды я нечаянно застал девочку Элис одну. Она сидела за рабочим столом Хелен, подперев голову руками, и взглядом включала и выключала настольную лампу. На звук моих шагов Элис обернулась. Лампа выключилась.

– Где Хендрикс? – спросил я, оглядываясь. По правде говоря, находиться вдвоем с девочкой-архитектором после того, что она натворила, не очень хотелось.

– Ушел за чаем, – ответила девочка вполне миролюбиво и отвернулась. Лампочка снова замигала.

– Перегорит, – заметил я спокойно. Элис снова обернулась.

– Да? Как тогда это работает? – слегка нахмурилась она.

– Что именно?

– Все это. – Она обвела глазами помещение офиса и пояснила: – То, куда я попала. Ведь если все вокруг придумано, и лампочка – тоже, она не может перегореть?

Я усмехнулся, подошел ближе и присел на край стола, так что Элис пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на меня.

– Что Хендрикс успел рассказать тебе про пространства?

– Что их придумывают люди. Что мир, куда я попала, – это обратная сторона реальности, а каждое пространство – продолжение чьей-нибудь мысли. – Девочка Элис говорила четко и уверенно, как будто выучила наизусть учебник. – Когда человек в реальном мире думает или мечтает о чем-то, здесь появляется новый маленький мир, и чем больше людей думает об этом мире, тем более он стабилен. И эти миры связаны между собой, как связаны между собой мысли, цепочками причинноследственных связей.

Она замолчала, серьезно глядя на меня снизу вверх. Я мысленно восхитился. Насколько мне было известно, Хендрикс едва ли был способен передавать информацию хоть в сколько-нибудь систематизированном виде. Он был творческой натурой.

– Все верно, – кивнул я. – Наш офис – тоже пространство. И, как ты правильно заметила, целиком и полностью придуман. Но, – я увидел, что она собирается вернуться к своему вопросу про лампочку, – мы все – те, кто находится в этом пространстве, – постоянно о нем думаем. Поэтому офис выглядит таким реальным. Почти настоящим. И в нем работают те же закономерности, что и в реальном мире. Например, выключенные и включенные много раз лампочки перегорают.

Элис перевела взгляд на настольную лампу. Та коротко моргнула.

– Но в реальном мире нельзя выключать свет взглядом, – возразила Элис, снова поднимая на меня свои серо-синие глаза.

– Ты – архитектор, – мягко ответил я.

– И что это значит?

– Это значит, что ты можешь сама придумывать законы для пространства.

Элис задумалась.

– Хендрикс тоже архитектор, – заметила она. – Значит, и он может придумывать законы для пространства?

– Может, – согласился я. Пожалуй, не стоило с ходу рушить авторитет Хендрикса и рассказывать девочке, что тот, по большому счету, ни хрена не может. Разве что перегоревшие лампочки менять.

– А ты? – спросила Элис.

– Что я?

– Ты тоже архитектор?

Я покачал головой.

– Нет. Я – охотник. Хендрикс рассказывал тебе про охотников и операторов?

В этот момент одна из дверей открылась, и в офис вошел Хендрикс, осторожно неся на подносе две чашки и чайник. На моих последних словах он помотал головой. Поставил поднос на ближайший стол и сделал жест, предлагая мне продолжать. Я еле заметно поморщился. Старый лентяй.

Элис, которая сидела к Хендриксу спиной и потому пропустила всю пантомиму, ответила на мой вопрос:

– Нет, этого он не рассказывал.

Я вздохнул, с тоской глядя на скрывающегося за дверью Хендрикса, и начал:

– Если ты знаешь, большинство людей делятся на тех, у кого лучше развито творческое (или интуитивное) мышление, и тех, у кого лучше развито аналитическое. Поскольку мир пространств построен на мыслях, здесь имеет значение в первую очередь то, как человек думает и соответственным образом проявляются его способности. Поэтому люди, попадающие в пространства, обычно становятся охотниками или операторами. Аналитический способ мышления характерен для охотников. Они легко воспринимают устройство отдельно взятого пространства и поэтому вполне комфортно чувствуют себя в нем. Однако охотники редко могут пройти из пространства в пространство, потому что переход от одной мысли к другой почти никогда не продиктован чистой логикой. И вот тут на помощь охотникам приходят операторы. Они воспринимают пространства интуитивно, на уровне эмоций, впечатлений, ассоциаций. Благодаря этому оператор может легко проследить переходы между пространствами, выстраивать целые маршруты. Но по этой же причине оператору тяжело самому проходить по пространствам. Его мышление может начать прокладывать собственные пути, следовать своей логике и ощущениям, а не логике пространства, так что оператор никогда не сможет дойти до конечной точки своего путешествия. Именно поэтому большинство операторов предпочитают обосноваться в каком-нибудь одном защищенном пространстве и оттуда управлять сложной системой придуманных измерений, помогая охотникам перемещаться по ним.

Я замолчал, устав от такой длинной тирады. Элис нахмурилась, обрабатывая полученную информацию.

– А кто же тогда такие архитекторы? – спросила она после долгой паузы.

– Амбидекстры. Люди, у которых одинаково хорошо развиты оба типа мышления. И которые, соответственно, могут не только выстраивать связи и подстраиваться под чужие мысли – они сами могут менять пространства под себя.

Элис снова задумалась. Я встал и пошел за чаем, который принес Хендрикс, – во рту пересохло. «Не быть тебе лектором, Ларс», – с усмешкой подумал я – и невольно осекся.

Не быть.

Никогда.

– А почему охотники? – опять спросила Элис, вырывая меня из собственных мыслей. Я налил себе чай. – Про операторов понятно – а что делаешь ты, кроме того, что бегаешь по пространствам?

– Охочусь. – Я налил вторую чашку и вернулся к Элис.

– На?... – подняла брови та, принимая у меня чашку.

Я отпил чай и еще раз украдкой вздохнул. Очень хотелось вернуть Хендрикса и переложить на него почетную обязанность по объяснению прописных истин – но, возможно, Элис могла решить, что я ее избегаю, и это могло расстроить ее.

А расстраивать Элис было пока что очень опасно.

Поэтому я сделал еще один глоток – и снова начал рассказывать:

– Когда люди думают или мечтают, появляются пространства. Но еще иногда люди боятся. И их страхи тоже получают воплощение в нашем мире – в виде гарпий.

Я заметил, как Элис слегка вздрогнула на последнем слове – но вопросов задавать не стала. Поэтому я продолжил сам:

– Гарпия – это такая квинтэссенция ужаса. Представь себе все самое страшное, что можешь, – вот это и будет гарпия.

На этот раз Элис посмотрела на меня и тихо возразила:

– Но самое страшное никогда нельзя представить. Самое страшное – это то, чего ты не видишь.

Я слегка усмехнулся.

– Значит, ты знаешь, что такое настоящий страх.

– Как же можно охотиться на то, чего нет? – снова нахмурилась Элис. Было забавно наблюдать, как она пытается все проанализировать, понять, осознать.

Пожалуй, из нее мог бы получиться хороший охотник.

– Именно поэтому у любого охотника должно полностью отсутствовать воображение. Неизвестное страшно, потому что это может быть *все что угодно*. А хороший охотник видит на месте гарпии что-то простое и понятное, подсмотренное в каком-нибудь ужастике или компьютерной игре. Ну а дальше надо просто уметь хорошо стрелять, – улыбнулся я.

Элис долго смотрела на свой чай.

– А если ты не умеешь стрелять, а тебе встретишься гарпия? – поинтересовалась она нарочито спокойно.

– Зависит от того, насколько богатое у тебя воображение, – сухо бросил я.

Элис услышала в моем голосе достаточно, чтобы дальше не уточнять.

– А гарпии... – начала она после небольшой паузы. – Они могут перемещаться по пространствам? Могут попасть в любое?

Я снова улыбнулся. Девочка быстро соображала.

– Могут. Но в это не попадут. Есть немного таких защищенных пространств – других офисов, – в которые гарпиям не пробраться.

– А зачем тогда за ними охотиться? – не поняла Элис. – Если здесь ничего не угрожает?

– Гарпии рождаются из страхов, питаются ими – и сами их создают, – вновь терпеливо принялся пояснять я. Меня уже начала раздражать собственная манера рассказывать все, как маленькому ребенку. – Чем больше гарпий появляется в пространствах, тем больше людей в реальности начинают бояться неведомо чего. Чем больше людей боится, тем больше гарпий... Замкнутый круг. И в какой-то момент все человечество просто может сойти с ума. И тогда нам тут, как ты сама понимаешь, тоже не поздоровится.

Элис серьезно кивнула, по-прежнему не сводя взгляда с чашки.

– Ну а кроме того, – усмехнулся я, допивая чай, – надо же нам чем-то тут заниматься, верно?

Элис вскинула на меня глаза.

– Ларс, а отсюда можно вернуться обратно? – спросила она тихо. – Можно вернуться в реальность?

Я долго смотрел на нее.

– Нет.

Элис глубоко вздохнула и прикрыла глаза.

И тогда в офисе снова вырубилось электричество.

* * *

После этого разговора я больше не принимал участия в обучении Элис. Хендрикс поручил ее Хелен – большой, пышногрудой Хелен, испещренной пирсингом, как новогодняя елка. Хелен была оператором – и единственной женщиной в коллективе, кроме Элис. Однако та никак не реагировала на обволакивающую мягкость, которую Хелен распространяла вокруг себя, как аромат крепких духов. Элис оставалась такой же невыразительной на вид, какой она предстала при первой встрече. И это выглядело немного странно, потому что в пространствах характер всегда проявляется в том, как человек выглядит. Я мог ошибаться, но мне казалось, что характер у Элис должен был быть довольно выразительным.

Впрочем, меня совсем не удивляло, что поначалу она могла чувствовать себя разбитой. Переход из реальности в пространства всегда дается нелегко – сознанию сложно принять небытие как возможную форму существования. Кроме того, каждый из нас попадал сюда не просто так – любому переходу предшествовал определенный кризис, нежелание смириться с реальностью. Что в конечном итоге приводило к отрыву от реальности. В прямом смысле этого слова.

Девочка Элис летела из Москвы в Бостон на стажировку, с очевидным намерением начать в Штатах новую жизнь. Разумеется, мы не стали спрашивать, что случилось с ней в ее старой жизни. В конце концов, без связи с реальностью, со своим прошлым Элис в любом случае постепенно должна была начать приходить в себя. Мы все проходили через это в свое время.

Оказавшись здесь, человек уже не может вернуться обратно. Со временем можно научиться выходить ненадолго в реальный мир, но редко кому из нас удастся побыть там больше нескольких минут. Это невероятно тяжело – и многие предпочитают никогда не выходить на поверхность. Порой бывает необходимо вынырнуть ненадолго, чтобы быть в курсе того, что происходит снаружи, но к своей прежней жизни вернуться из пространств невозможно. И в конце концов это становится совершенно ненужным. Все эмоции, чувства, привязанности, которые соединяли тебя с реальным миром, постепенно притупляются, уступают место ясной красоте человеческой мысли.

Потому что мысль, лишенная отравляющих ее чувств, представляет собой неоспоримое доказательство совершенства человеческого существа.

В пространствах нельзя любить.

Но никому из нас это и не нужно.

* * *

Элис начала работать с пространствами как обычный оператор – на расстоянии всегда проще понять их логику. Да и безопасней. Девочка быстро училась – всего через пару недель Элис уже смогла выстроить свой первый маршрут.

Впрочем, понятие «быстро» плохо применимо к пространствам.

Дело в том, что здесь нет времени. По крайней мере, в том смысле, в котором люди привыкли его воспринимать. В реальности время меняется линейно – ну или почти линейно, если уж быть совсем точным. Если вдуматься, становится понятно, что за одну и ту же единицу времени сейчас и тысячу лет назад успевают произойти принципиально разное количество событий. Что менялось за тысячелетия существования древних цивилизаций? Да почти ничего. Что поменялось за последние сто лет? Все. Время становится все более компактным, сжимается все сильнее и сильнее – чтобы в конечном итоге просто схлопнуться в точку. И тогда мир придет к тому, с чего все начиналось.

Но в пространствах время течет по-другому. Оно закольцовано на определенный период – и по его истечении обновляется, возвращается к начальной точке существования. Пространство нельзя изменить, нельзя вмешаться в ход развития событий в нем. Если только ты не архитектор.

Мне не терпелось увидеть, что сможет делать Элис, когда наконец научится оперировать с пространствами как полноценный архитектор. Конечно, у нас был Хендрикс – но он действительно почти ничего не умел. Худо-бедно он справлялся лишь с тем, чтобы поддерживать в рабочем состоянии наш офис, выстроенный его предшественником, неизвестным мне архитектором, который совершенно по-идиотски погиб, попав под поезд в измерении «Анны Карениной». Кое-кто рассказывал, что бедняга сам бросился под него из-за несчастной любви, – но это полная чушь. В пространствах нельзя умереть от разбитого сердца.

В пространствах вообще нельзя любить.

* * *

Она по-прежнему не выходила за пределы офиса, но уже могла на расстоянии управлять пространствами с феерической легкостью, которой я не встречал даже у Макса, нашего лучшего оператора. В свое время мне казалось, что парень вполне мог бы стать архитектором, если бы захотел, – но теперь, наблюдая за Элис, я понял, насколько Макс было до этого далеко.

В тот день ей впервые предстояло вести нас. Гектор уже стоял с автоматом наперевес, я в последний раз проверял свою «Беретту». Элис засекла гарпию не очень далеко от нашего офиса. Та вела себя странно, очень уж активно, если учесть, как недавно она там обосновалась. Хелен, сидевшая рядом с Элис, предположила, что их может быть две, и беспокойно посмотрела на нас. Гектор, как обычно, ничего не сказал. Я немного подумал и положил в карман третий магазин.

Элис сидела за своим рабочим столом, прикрыв глаза, и медленно проводила пальцами по лбу. Я знал, что как раз сейчас она выстраивает маршрут, и ее не стоит отвлекать. Выглядела Элис неважно. Она пришла к нам уже больше двух месяцев назад – наших, придуманных месяцев, потому что в реальности для нее едва ли прошло несколько часов. Первое погружение в пространства длится обычно очень долго. За это время Элис уже должно было отпустить – но я внимательно следил за ней и видел, что ее не отпускает. Как-то раз я намекнул об этом Хендриксу. Старик посмотрел на меня, кивнул – и я понял, что не я один внимательно за ней слежу. Тогда я успокоился. Раз кто-то еще это замечал, я мог уже не волноваться на ее счет. В конце концов, это не мои проблемы.

Я щелкнул затвором. Элис открыла глаза.

– Вы готовы? – спросила она тихо, но отчетливо.

Я кивнул. Гектор не шелохнулся.

– Тогда идите. Я поймаю вас сразу за дверью.

Я снова кивнул. Гектор подошел к выходу и потянулся к ручке.

Для того чтобы пройти из одного пространства в другое, всегда нужна дверь. Собственно говоря, этим и занимается оператор – ищет нужные двери и открывает их. Хороший архитектор может создавать свои двери. Когда-то мне рассказывали, что некоторые архитекторы могут проходить между пространствами прямо сквозь стены. Но в такое я как-то не верю.

– Идем, – бросил я Гектору, и он распахнул дверь.

За дверью начинался коридор. Темный, узкий, сверху шли трубы и провода.

– *Слышите меня?*

Голос Элис в голове. Ровный, спокойный, невыразительный.

– *Слышим*, – ответил я за обоих, как обычно. Что это за стим-панк вокруг? О, прости, Гектор.

Гектор не обернулся. Он шел, чуть согнувшись, но ирокез все равно время от времени с сухим шорохом задевал воздуховоды.

– *Тебе дорогу покороче или окружение поприятнее, Ларс? У нас вроде не экскурсия.*

– *Я знаю, детка.*

Я почувствовал, как она фыркнула. Мы все в офисе стали называть ее деткой – опытным путем было установлено, что на это напряжение не скачет, а перебирать другие варианты никто пока не рискнул.

– *Вторая дверь налево*, – направляла Элис у меня в голове. – *А потом прямо через все пространство, там будет только один проход.*

Гектор впереди остановился, пригнулся еще сильнее и свернул налево в открывшийся проем. Я пролез за ним.

Следующее пространство оказалось таким же темным, но еще более не оформившимся, явной двухминуткой, в которой никогда ничего не происходило, а стены тонули в полумраке, так что нельзя было даже определить его реальный размер. Пространства кишат ими – тесные комнатухи с серыми стенами, серым полом и серым потолком, карцеры чьего-то подсознания, назойливая мысль, не оформленная в яркий образ, но слишком сильная сама по себе, чтобы тут же полностью исчезнуть.

Мы остановились в поисках второй двери – и тут я почувствовал это.

Оцепенение, которое противно разливается по всем мышцам. Затхлый запах. Духота.

– *О, черт*, – прошипела Элис у меня в голове.

Я мысленно выругался вместе с ней. По правде сказать, я надеялся, что это она зачем-то заблокировала пространство.

– *Ты нас слышишь?* – спросил я.

– *Слышу. Но не вижу. Что у вас там происходит?*

– *Ничего*, – ответил я. – *Пока что.*

Гектор взял автомат в руки. Я осторожно повернулся к нему спиной и поднял пистолет.

– *А гарпию ты видишь, Элис?*

– *Да. Она по-прежнему на месте.*

Я почувствовал, как ее мысль неприятно споткнулась.

– *Что?*

– *Их действительно могло быть две. Или...*

– *Или?*

– *Или больше.*

Я снова выругался. Становилось все более душно.

Прямо за моей спиной, со стороны Гектора, тихо скрипнула дверь. Я обернулся, еще не опуская пистолета. Раздались мягкие, почти бесшумные шаги – и человек вышел из полумрака.

– Добрый вечер.

Я тут же расслабился и опустил руки. Гектор поднял ладонь в знак приветствия.

– Ты нас напугал. Твоя работа? – Я обвел взглядом пространство.

– Моя, – улыбнулся он.

– *Кто там с вами?* – Мне показалось, что голос Элис звучал напряженно.

– *Все в порядке, детка*, – ответил я. – *Мы знаем этого парня.*

Мы действительно часто с ним встречались. Это был тот самый архитектор, на которого я в свое время так рассчитывал. В отличие от большинства из нас, он не прибил ни к одному из офисов, а продолжал жить в пространствах сам по себе. Но он мог себе такое позволить.

– Она там сидит? – спросил я, указывая головой на дверь.

– Сидит, – кивнул он. – Но я не советую ее сейчас трогать. Она недавно... обедала.

Я поморщился. С гарпией, переварившей свежую порцию страхов, встречаться и впрямь не стоило. Хорошо, что он нас предупредил.

– А чего ты от нас хотел? – спросил я его. – Просто притормозить?

– Отчасти. Сказать по правде, я хотел выяснить, кто вас сейчас ведет?

Я задумался. Конечно, он был отличным парнем, и я не мог придумать причину, по которой ему не следовало доверять. Но почему-то мне все равно не хотелось с ходу говорить, что с нами теперь Элис.

– Я спрашиваю только потому, – продолжил он, вероятно, заметив, как я напрягся, – что я не узнаю почерк. Я вроде бы знаю всех ваших операторов. У вас появился кто-то новый?

– Появился, – осторожно признал я.

– Хорошо, – он легко улыбнулся, как будто подчеркивая, что не собирается больше ничего выяснять. – Я запомню и теперь буду знать. Возвращайтесь обратно. К ней, правда, лучше пока не ходить.

Гектор снова поднял ладонь, на этот раз в прощальном жесте. Я тоже махнул рукой:
– Пока, Сандр.

В моей голове произошел взрыв. Судя по ощущениям, ядерный. Гектор растерянно тряс своим ирокезом, который, казалось, торчал еще сильнее от статического электричества, внезапно охватившего наши головы. Сандр прищурился, глядя на нас.

– *Что происходит?* – прошипел я.

– *Кот выбежал из мешка,* – пробормотала в моей голове Хелен. Почему она? Куда делась Элис, которая нас вела?

– *Элис, это ты творишь? Прекрати немедленно!*

– *Она уже не здесь,* – спокойно заметила Хелен.

– *А где? Где она?*

– *Где-то на пути к вам, я так думаю.*

Гектор продолжал трясти головой.

В следующий момент нас слегка отпустило, но теперь напряжение стало переходить в само пространство. Сандр тоже почувствовал его и слегка прищурился. Кто-то влиял на пространство, хотя он его заблокировал. Насколько я понимал, такое случалось нечасто. Если вообще когда-нибудь случалось.

Но я уже знал, кто в этом виноват.

И, кажется, начал догадываться о причинах.

Электричество стало пробегать по стенам. Сандр снова прищурился. Голубые молнии исчезли на мгновение, но потом пространство буквально заискрило. Он заинтересованно наклонил голову.

– Вы знаете, кто это делает?

– Мне кажется, да.

– Кажется? Это не кто-то из вас?

– Одна из нас. Но до сих пор она не умела так делать, по-моему.

– Она? – удивился Сандр. Это было понятно. Женщины редко бывали архитекторами. А на подобные фокусы способен только архитектор. – Это и есть ваше пополнение?

Я молчал. Искрило все сильнее.

– Может, я все-таки вас выведу отсюда? – Сандр с тревогой посмотрел на красочный фейерверк вокруг. – Не нравится мне все это...

Вдруг стало очень тихо. Я услышал шаги за своей спиной, но не стал оборачиваться. Мне казалось, что я слышу в этих шагах злость. Невероятно много злости.

– Все хорошо. Я сама уведу их отсюда.

Она подошла, и я краем глаза заметил ее. Тогда я повернулся всем корпусом и уставился на нее в упор. Гектор приподнял брови. В его случае это могло считаться выражением глубочайшего изумления.

Элис стала как будто выше, хотя, возможно, все дело было в каблуках и силуэте серого брючного костюма, сидящего безупречно и потому подчеркивающего все, что следовало подчеркнуть, без намека на вульгарность.

Волосы по-прежнему убраны назад – но теперь вместо невыразительности они производили впечатление сдержанной элегантности. Ее лицо оставалось собранным, сосредоточенным, ровным – и оттого пугало еще сильнее. Но она смотрела не на нас. Конечно, она смотрела не на нас.

Я кинул взгляд на Сандра. С ним явно было что-то не так – и он очень хорошо это скрывал. Он просто кивнул Элис, а пространство почти физически увеличилось от того, что они хотели друг другу сказать. Или не хотели.

Я сжал зубы. Пространства не терпят сильных эмоций. В пространствах нельзя злиться, ненавидеть, радоваться... любить. Я понятия не имел, что эти двое испытывали друг к другу,

но по тому, как дрожал воздух вокруг, было ясно, что это не простая встреча старых знакомых. Я заметил, что Элис сжала кулаки, и одновременно с этим задрожал пол.

– Уходите отсюда, – бросил Сандр, развернулся сам и мгновенно исчез в полумраке.

Элис продолжала смотреть ему вслед. С потолка посыпалась пыль.

– Элис! – крикнул я.

Она вздрогнула, подбежала к той двери, через которую мы пришли, и резко дернула ее на себя. Я проскочил вслед за ней, а за мной – Гектор, и я услышал, как у нас за спиной что-то с грохотом обвалилось. Мы побежали по коридору, а вокруг все начало шипеть и выпускать клубы пара. Я дернул Элис за плечо, заставляя остановиться.

– Ты должна успокоиться, слышишь? Иначе ты нас всех угровишь!

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Потом медленно кивнула и глубоко вздохнула. Шипеть стало чуть меньше.

– Я в порядке, Ларс, – сказала она наконец довольно спокойно. – Можешь отпустить мою руку.

Мы пошли дальше по коридору. По моим подсчетам, до двери в офис оставалось уже недолго – и тогда я заметил впереди человека, который стоял и ждал нас. Элис резко остановилась, я чуть не врезался в нее. Сзади сухо прошуршал ирокез Гектора.

Несмотря на узкий коридор, я все-таки смог протиснуться мимо Элис и встать впереди нее, улучшая тем самым себе обзор – и обеспечивая пространство для маневра. Элис, конечно, оказалась хорошим архитектором – но я сомневался, что она имела большой опыт рукопашного боя. А это могло быть отнюдь не лишним умением.

Идиотов в пространствах всегда хватает.

Очень медленно я двинулся вперед и жестом велел им следовать за мной. Мои глаза не пропускали ни малейшего движения человека, который ждал нас, – но он просто стоял и никак не реагировал на наше приближение. Я присмотрелся. Фигура показалась мне знакомой.

А потом мы подошли достаточно близко, и я громко выругался. Гектор смачно сплюнул на пол.

– В чем дело, Ларс? – спросила Элис, выглядывая из-за моего плеча.

– Все в порядке, – буркнул я, с трудом сдерживая очередное ругательство.

Прямо перед дверью, ведущей в наш офис, стояла женщина, перегораживая собой проем. Она подняла голову на звук наших голосов, тряхнула спутанными седыми волосами, резко откинула их с лица и зло посмотрела на нас.

– Явились?

– Привет, Инга, – ответил я самым дружелюбным тоном, на какой оказался способен. – Не пропустишь нас, пожалуйста?

– И не подумаю! Если войдете, то только со мной.

– Инга, не глупи. – Я поднял руку, и женщина вздрогнула и слегка отпрянула назад, как бездомная собака.

Ее глаза метнулись на лицо Элис.

– А это кто такая?

– Это Элис, она теперь с нами, – терпеливо объяснил я.

Глаза Инги вспыхнули.

– Значит, ее вы взяли к себе?! – взвизгнула она и неожиданно прыгнула вперед, протянув к Элис тощие напряженные руки.

Я поймал Ингу в воздухе и откинул назад, стараясь сделать это не слишком грубо. Как и все люди в пространствах, она весила совсем не много. Инга с тихим стоном приземлилась на пол в нескольких шагах от нас.

– Быстрее, – прошипел я, подсакивая к двери, которую она больше не заслоняла собой.

Элис стояла как вкопанная и не сводила глаз с кучи тряпья на полу.

– Элис! – прикрикнул я.

Инга вскинула голову и снова взвизгнула, пытаясь подняться на ноги. Я подскочил к Элис, схватил ее за руку и втащил за собой в проем. Гектор прошел сразу за нами и захлопнул дверь.

В офисе тихо жужжали компьютеры и стоял крепкий запах кофе. Я повернулся к Элис. Она выглядела испуганной.

– Кто это? – спросила она тихо.

– Наша местная сумасшедшая.

К нам подошла Хелен.

– Вы снова встретили Ингу?

Я кивнул.

– И она опять пыталась к нам проскочить?

– Да.

Хелен вздохнула. Элис по-прежнему испуганно смотрела на нас.

– Объясните мне, в чем дело, – попросила она.

Мы с Хелен переглянулись.

– Видишь ли, детка, – мягко начала Хелен, – в пространствах иногда встречаются такие люди. Обычно мы стараемся держаться от них подальше – но Инга каким-то образом научилась находить наш офис и теперь подстерегает нас снаружи.

– А чего она хочет?

Хелен слегка поморщилась.

– Попасть к нам.

Элис нахмурилась.

– А почему мы не можем ее сюда впустить?

Я фыркнул.

– Потому что она разнесет все это пространство в два счета. Ты же слышала: она сумасшедшая. У нее совершенно непредсказуемые эмоции – она вообще не умеет держать себя в руках. Ей ни в коем случае нельзя сюда заходить. Если нам дорога наша жизнь.

– Но если ее оставить снаружи, она долго там не протянет?

Хелен поджала губы. Я слегка пожал плечами.

– Скорее всего. Но ей самой так будет лучше, поверь.

Пространства, правда, не терпят эмоций, и если человек совершенно не умеет их контролировать...

– Кстати сказать, – перебила меня Хелен и довольно сердито посмотрела на Элис. – Что у вас там произошло?

Элис вздрогнула и слегка скривилась. Я мысленно проклял Хелен. На мой взгляд, сейчас совсем не следовало напоминать о том, что случилось. Элис смогла успокоиться, когда мы бежали по коридору, и на время забыть о произошедшем – но я сомневался, что она была в полном порядке.

– Ты понимаешь, какой опасности всех подвергла? – продолжала Хелен все тем же тоном.

Мне очень хотелось ее стукнуть. Я кинул взгляд на Элис – но ее лицо выглядело совершенно непроницаемым. Она смотрела не на нас, а немного мимо, уставившись на стену напротив. Я почувствовал, что запахло паленым, и обернулся. Над проводами, проложенными по стене открыто, росла вольтова дуга.

Элис тряхнула головой, и дуга пропала. Компьютер на одном из столов вздохнул и умер.

– Так. Пойду-ка я, – сказала она с расстановкой. Как будто пытаясь взять себя в руки.

– Куда? – спросила Хелен сухо.

– Куда-нибудь. Подальше.

Элис развернулась и вышла. Я хотел ее предупредить, что за дверью по-прежнему ждет Инга, но не успел. Впрочем, я не очень сильно переживал за Элис. Девочка явно была не из робких.

– Она сама спалит нам офис в конце концов, – проворчала Хелен, когда дверь за Элис захлопнулась.

– Не преувеличивай, – возразил я. – Это одно маленькое короткое замыкание.

– Это один маленький компьютер. Второй компьютер, если быть точнее.

– А ведь кто бы мог подумать, – заметил Гарри задумчиво. Я обернулся. Они с Максом стояли у выходов в свои комнатухи. – Такая серая мышка.

– Внешность обманчива, – усмехнулся Макс.

В офис вошел Хендрикс. Понюхал воздух, с подозрением посмотрел на нас.

– Что у вас тут произошло?

– Хендрикс, старик, спасибо, – искренне сказал я.

Он недоверчиво на меня покосился.

– За что это?

– Элис действительно крутой архитектор. Немного эксцентричная, правда, но, может, это даже хорошо.

Он несколько неуверенно кивнул.

– Поймали гарпию?

– Нет. У нас оказались проблемы посерьезнее.

– А именно?

– А именно – наш новый первоклассный архитектор испытывает к одному товарищу настолько сильные чувства, что в пространствах рушится потолок, а у нас замыкает проводку и сдыхают компьютеры.

Он недоуменно посмотрел на меня.

– В смысле – сильные чувства?

– Судя по всему, ее история не осталась там. Она ходит тут, среди нас.

Хендрикс прищурился.

– И это?.. – Он обвел нас взглядом.

– Не бойся, это не мы.

– А кто тогда?

– Сандр.

Хендрикс резко задержал дыхание. Я его понимал. Ситуация и впрямь была не из лучших.

– А что он по этому поводу... думает?

– Ты знаешь, мы как-то не успели его спросить, – процедил я. – Наверное, стоило бросить перед уходом что-нибудь вроде «Хей, парень, а у тебя с ней что-нибудь было?», но инстинкт самосохранения меня остановил.

Хендрикс поморщился.

– Когда они успели? Он же тут уже тысячу лет. Причем чуть ли не буквально. Школьный роман? До того, как он сюда попал?

– А может... – неуверенно начал Гарри. – Может, уже... после?

– И как ты себе представляешь? – возразил я. – Ты когда-нибудь пробовал проторчать в реальности больше пяти минут?

– Кто знает, – настаивал Гарри. – Он странный парень.

– Странный. Но не настолько.

– Я слышал, что он проводит там много часов подряд со своей семьей.

– Часов? Не смейся меня.

Гарри упрямо поджал губы.

- Это все, в общем-то, не важно, – прервал нас Хендрикс. – Важно, чем это все чревато.
- Концом света?
- Не исключено. В любом случае, когда она вернется, объясните ей, что так себя вести здесь не стоит. Пусть возьмет себя в руки.

IV. Алиса

«Все мы здесь не в своем уме – и ты, и я».
Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес»

Сразу за дверью я наткнулась на ту самую сумасшедшую. Она с криком бросилась ко мне – но я повернулась и посмотрела на нее так зло, что та сама отскочила на несколько шагов назад. Конечно, она была не в себе – но и я себя сейчас уже не контролировала. С тех пор, как Хелен неосторожно напомнила о нашей неожиданной встрече, я снова не могла думать ни о чем другом. Поэтому я прошла мимо Инги, не обращая на нее никакого внимания, а она при этом испуганно вжалась спиной в стену коридора.

Невероятно. Я и не догадывалась, что меня можно довести до такого.

В первую очередь, я злилась, как ни странно, на себя. Потому что могла бы догадаться и сразу. Как только я попала в это выморочное место, где каждый пытался создать иллюзию собственного существования, мне следовало бы сразу понять, что он приходил именно отсюда. Все совпадало – и странные, неравномерные промежутки между его появлениями, его чересчур разносторонняя эрудированность, то, как тяжело ему было все время рядом со мной, то, как легко он находил меня везде. Да что там, совпадало. Какая к черту разница. Теперь я и так все знала.

И я злилась на него. Чудовищно. Четыре года постоянных попыток доказать, что я «в порядке», четыре года странных и случайных связей, периодических нервных срывов, плохого сна и отвратного аппетита – совсем не то, на что хотелось бы потратить лучшие годы своей жизни. К тому же, как оказалось, последние. То, что происходило сейчас, не считалось. Я уже как следует насмотрелась на народ в офисе, чтобы понять, что это за жизнь...

Очередное пространство, через которое я проходила, вспыхнуло за моей спиной ярким пламенем.

Отлично. Теперь я, кажется, человек-катастрофа.

И тогда стало понятно, что это бессмысленно. Я не смогу ничего поделать здесь, в этом жутком потустороннем мире, в котором на самом деле ничего никогда не происходит. Чтобы что-то действительно изменить, надо выбраться на поверхность. В реальность.

Я знала, что это тяжело. Слышала их рассказы. Собственно говоря, я своими глазами видела, как Сандр мучился каждый раз, когда находился рядом со мной в реальности. И знала, что он не стал бы показывать, как ему плохо, если бы легко мог это скрыть.

Но сейчас меня все это не очень смущало. Потому что я злилась. И, кроме того, очень хотела его увидеть. В настоящем мире. В мире, где сказанные слова действительно что-то означают. Где они что-то могут изменить. Поэтому я глубоко вздохнула – и начала искать Сандра. Я знала, что сейчас он тоже должен был быть где-то на поверхности – если наша встреча хоть что-нибудь для него значила. Я надеялась, что это так.

Но он действительно был в реальности, и найти его оказалось совершенно элементарным. Стоило просто проследить все пространства, через которые он прошел, – и я видела их так, как если бы над каждым висел огромный указатель. Я вдруг представила, как он когда-то проходил по всем измерениям, оставленным моими мыслями, чтобы найти меня в нужном месте и в нужное время. Страшно подумать, что он там при этом видел.

Перед дверью, ведущей в реальность, я остановилась. Теперь нужно было попасть в правильное время, и это оказалось сложнее, чем найти правильное место. Пространство связано с моментом, в который возникло. И выйти из него можно именно в этот момент – поэтому, проследив след мыслей, оказываешься в пространстве, непосредственно связанном с конкретным временем и местом. Остается только увидеть, «куда» ты идешь.

Место я узнала сразу – дверь в реальность была подъездом Мишкиного дома. Конечно же, Сандр вышел сюда. Это было какое-то заколдованное место. Или проклятое.

Однако со временем все оказалось не так просто. Оно как будто пузырилось, словно неоднородное, плохо промешанное тесто. Время утекало между пальцев, и приходилось прикладывать огромное усилие, чтобы не упустить нужный момент, пока он не превратился, пережитый кем-то, в очередное пространство. Я закрыла глаза, сосредоточилась. Существовало только одно правильное время, один правильный момент.

Глубоко вздохнув, я протянула руку к старой, потертой деревянной двери, распахнула ее – и шагнула наружу.

Первой защитной реакцией было немедленно вернуться. Когда-то я читала, что женщина во время родов испытывает боль, во много раз превосходящую болевой порог человека. Не знаю. Но если она испытывает нечто, хотя бы приблизительно похожее на это, то я не понимаю, как можно заводить больше одного ребенка.

Как будто на меня разом свалилось десять тысяч тонн. Нет, мегатонн. Они свалились на меня и сразу стали давить – со всех сторон, особенно сильно на голову. Реальный мир оказался чудовищно шумным, плотным. Отовсюду чем-то пахло. Реальный мир был ужасно... настоящим. Он как будто хотел раздавить меня, сжать в незаметную точку.

Но я очень злилась.

Я повернулась, снова открыла дверь, уже в реальности, нырнула на темную лестницу и взбежала вверх. Дверь в квартиру была закрыта, пришлось звонить. Звук ударил по голове колокольным набатом. Послышались шаги – приглушенные, но все равно невероятно громкие – и дверь с раздражающим уши лязгом и скрипом открылась.

На пороге стоял Мишка.

О. Ну конечно. Он же несколько часов назад провожал меня на самолет, отправляя в Америку. Предположительно – навсегда.

– Алиса? – выдавил Мишка.

Я только кивнула. Я боялась, что звук моего голоса разорвет голову на части.

– Что ты здесь делаешь?

Вот черт. На это уже не ответишь кивком.

– Я вернулась.

О, боги. Даже хуже, чем я представляла. Мое лицо, безусловно, меня выдавало, потому что Мишка дернулся ко мне. Я остановила его.

– Он здесь?

Мишка понял, кого я имею в виду. Собственно говоря, я и так знала, что он здесь.

Я прошла мимо ошарашенного Мишки на кухню.

Сандр сидел на табурете, обхватив голову руками. Совсем не свойственная ему поза. Он обычно держался очень прямо. На звук моих шагов он поднял голову, и я поняла, почему он всегда передвигался так бесшумно. Просто срабатывал инстинкт самосохранения.

Наверное, грешники, сидящие в аду на соседних сковородках, обмениваются похожими взглядами. Этакая смесь мучительной боли и понимания. Типа, держись, старик. Мне тут тоже несладко.

При виде его глаз я стала злиться чуть меньше. Потому что невозможно злиться на человека, когда он так на тебя смотрит. Взглянув на мое лицо, Сандр скривился еще сильнее. Ну да. Я-то уже видела его таким много раз. А вот для него это новый опыт.

По дороге сюда у меня в голове крутилось множество вещей, которые я хотела сказать. Еще, кажется, я хотела по чему-нибудь ударить. Или кого-нибудь.

Но я уже выдохлась. На мою голову давило десять тысяч мегатонн, и думать о чем-либо еще казалось невозможным. Я только прошипела раздраженное: «Ты!..» – на достойное про-

должение меня уже не хватило. Я развернулась и выскочила из квартиры. Спаслась бегством, если точнее.

На лестнице я оказалась до того, как Мишка заговорил, поэтому его слова не взорвали мою голову на части. Но я все равно услышала, как он спросил: «Что с ней?» и как Сандр тихо ответил: «То же, что и со мной».

Больше всего хотелось сразу же вернуться в пространства. Но на нижней площадке лестницы я передумала. Еще чуть-чуть, сказала я себе. Нужно еще чуть-чуть потерпеть. Еще чуть-чуть подумать настоящие мысли.

Я вышла на бульвар и села на первую попавшуюся скамейку. В глазах рябило, пришлось их прикрыть.

Хорошо. Итак – мысли. Те самые, которые мне так нужно подумать.

Мысль номер один. Сандр нашелся. Собственно говоря, я сомневалась, чтобы он вообще куда-нибудь исчезал. Просто я не умела тогда видеть больше того, что действительно было. А его, в некотором роде, действительно не было.

Мысль номер два. Я могу найти его в любой момент, в любом месте и в любое время. Не то чтобы очень хотелось. Но, в принципе, я могу. Теперь могу. Только кому это теперь нужно.

Мысль номер три. Почему-то он все-таки предпочел исчезнуть четыре года назад. Почему-то он считал, что должен это сделать. После сегодняшнего дня я могла бы предположить, что он просто больше не мог терпеть. Это казалось логичным. Любовь прекрасна, да, но все-таки не настолько, чтобы полностью сгладить последствия многочасового пребывания в реальности. Тут и впрямь был ад.

Но я знала Сандра. Он не стал бы просто так исчезать, догадываясь, я надеюсь, что это не слишком меня осчастливит, – если бы не делал это для меня. Почему-то он считал, что должен оставить меня в покое.

Чтобы предоставить мне жить нормальной человеческой жизнью? Вполне в его стиле. Очень благородно и самоотверженно. Сначала увести девушку у своего брата, а потом оставить ее, чтобы она могла жить в настоящем мире настоящей жизнью.

Я снова начала злиться.

Может быть, было что-то еще. Стоило не убегать, а потерпеть еще чуть-чуть и все-таки выяснить это у Сандра. Только теперь уже поздно.

Я машинально потерла лоб рукой, как делала раньше, когда у меня болела голова. Зря. Очень зря. Это вообще никак не помогало.

Но оставалась еще мысль номер четыре. Из-за которой я по-прежнему здесь сидела. Из-за которой, на самом деле, я понимала Сандра. Понимала, почему он день за днем приходил тогда ко мне.

Несмотря на дикую боль, на разрывающуюся голову, на звездочки в глазах и стук в ушах, сейчас, здесь, на этой скамейке, я жила. Я злилась на Сандра, я переживала за Мишку, я жалела себя. Я думала о родителях, наверняка волнующихся обо мне. Я вспоминала всю свою предыдущую жизнь, и неожиданно все, что в ней произошло, стало вновь обретать некоторый смысл.

Здесь, под гнетом своих десяти тысяч мегатонн, я была настоящей. Я могла сколько угодно бегать в пространствах, строить их, соединять, создавать, разрушать. Все это было прекрасно и замечательно, и все это не имело никакого отношения к жизни. К моей жизни. Я жила сейчас. Мучительно, продираясь сквозь каждую минуту, но жила. Это стоило тысячи лет бессмысленного существования.

И я начала догадываться, почему Сандр поступил как последняя сволочь по отношению к своему брату.

Возможно, когда у тебя настолько болит голова, вообще сложно правильно думать.

Возможно, когда жизнь вдруг предлагает такой огромный кусок самой настоящей реальности, от него сложно отказаться.

Возможно, когда ты уже мириады неслучившихся лет ничего не чувствуешь, ты просто разучиваешься контролировать свои чувства. Сейчас я хорошо это понимала.

Листья срывались с деревьев и с душераздирающим грохотом падали на землю. Как же он все это терпел? Я бы не то что девушку увела. Я бы кого-нибудь убила в конце концов.

Справа от меня раздались шаги. Невероятно тихие. Их никто больше не смог бы различить. Но я слышала. Я слышала, как камешки гравия трутся друг о друга. Как пыль, придавленная подошвой, смещается, образуя не видимые никому следы.

Он сел рядом. Очень осторожно. Деревянные планки скамейки сдвинулись на пару миллиметров.

– Привет, – сказал Сандр. В голове зазвенело.

– Привет, – ответила я, не открывая глаз. Все-таки так было чуть проще.

Мы помолчали.

– Возьми, – сказал он наконец.

Я приоткрыла глаза. Свет ослеплял. Сандр протягивал на ладони две маленьких желтых таблетки.

– Что это? – с некоторым подозрением спросила я.

Может быть, он хотел меня отравить? Чтобы я больше не мучилась?

– Но-шпа, – усмехнулся он.

Невероятный человек. Я не могла даже представить, что делает с его головой такое движение лицевых мышц.

– Помогает? – спросила я недоверчиво.

– Немного. И не очень надолго. И если принимать не очень часто.

Я поморщилась.

– Возьми, пожалуйста. Ты вся зеленая.

Я послушно взяла таблетки и проглотила их. Запить было нечем, горечь во рту обжигала – но сейчас это не имело никакого значения. Если это хоть сколько-нибудь могло помочь...

Сандр наблюдал за моими мучениями, никак не комментируя. Возможно, он не хотел лишний раз травмировать мою голову. Или свою. А может, ему просто нечего было сказать.

Но я хотела с ним поговорить, и это стоило моей и его головы.

– Если я спрошу тебя, почему ты ушел четыре года назад, это будет очень глупо? В сложившихся обстоятельствах.

– Нет. Это будет разумно. Особенно в сложившихся обстоятельствах.

– Я слушаю.

Он вздохнул. Мне стало как будто чуть лучше. Падающие листья уже не так страшно грохотали.

– Я видел, что ты все больше рискуешь тоже попасть... туда. Моя близость к тебе была, безусловно, очень сильным катализатором. И я очень не хотел, чтобы ты там оказалась. Надеюсь, ты понимаешь, почему? – мягко улыбнулся он.

Я прикрыла глаза. Ну да. Вот оно. Типичное самопожертвование.

– Ты не мог мне все рассказать?

– Нет. Это бы только все ускорило.

Я задумалась.

– Наверное, это все равно было бы лучше. Чего ты добился в результате? Четыре довольно неубедительных года. Я совсем не уверена, что их стоило проживать. И все равно в результате я здесь. В смысле, там.

Он молчал. Я слегка повернула к нему голову и приоткрыла один глаз, чтобы увидеть его лицо. Сандр смотрел на свои руки, сложенные между коленей.

– Я знаю, – ответил он. – Но попробовать стоило.

Мы еще помолчали.

Голова почти прошла. Нет, конечно, она все еще болела, но это было ничто. Незаметная маленькая боль.

– Я, наверное, пойду, – сказала я, потому что теперь вместо головной боли на меня давило его молчание, и я не могла больше это терпеть. – Я хочу воспользоваться моментом и подумать немного, пока это возможно.

Он понимающе кивнул, все еще глядя на свои руки.

– До встречи... где-нибудь, – неуверенно сказала я, поднимаясь со скамейки.

Он снова кивнул, и я пошла. Листья тихо шуршали по гравию дорожки, как им и полагалось.

Вот и все. Все свидание после четырех лет, после невероятно долгих четырех лет, которые я провела в провальных попытках все забыть. И теперь, встретив человека, которого я на самом деле ждала все это время, я сказала, что пойду, – и ушла. Кто сказал, что чужая душа – потемки? Это своя душа – потемки. Причем непроглядные.

Я побрела по бульварам, не особо заботясь о том, куда иду. Зашла в «Макдоналдс» на Пушкинской, в котором стояли компьютеры, и написала письмо родителям, что я долетела и со мной все в порядке, но связываться с ними смогу только по почте. Телефон, как и все мои вещи, так и остался лежать в бостонском аэропорту. Наверное, мои чемоданы уже обыскали саперы, кинологи и разные прочие инстанции. Мне стало любопытно, и я зашла на сайт аэропорта. Ну да, так и есть. На несколько часов аэропорт оцепили. Приносим свои извинения. Бедные пассажиры.

Немного подумав, я написала письмо Мишке. Первым делом попросила его ничего не говорить моим родителям. Я надеялась, что он не позвонил им сразу же после моего появления – вернее, повторного исчезновения. Я не знала, что он думал и чувствовал по этому поводу, но вряд ли это были приятные мысли. Поэтому, немного подумав, написала ему, что вела себя и продолжаю вести себя с ним абсолютно непростительно и не могу даже дать обещания, что больше не буду себя так вести. И что мне очень стыдно.

Мне правда было очень стыдно.

Когда Сандр исчез, Мишка действительно стал заботиться обо мне. И кто бы знал, может, это и закончилось бы счастливым браком, кучей детей и прочими радостями жизни, если бы они с братом не были так похожи. Он почти так же двигался, почти так же говорил. Почти так же шутил. Почти так же смотрел. И все – почти. Чуть-чуть не так. В какой-то момент это стало совершенно невыносимым, и я прекратила все отношения с ним, причем достаточно грубо. Мишка послушно отстал от меня. Потом, через некий здоровый промежуток времени, мы столкнулись в общей компании и стали общаться снова. Я жаловалась ему на свою личную жизнь, иногда тухлую, как маленькое болотце, иногда бурную, как кастрюля с выкипающим супом. Он слушал. Вытирал мне сопли, иногда образно, а иногда и на самом деле. Ходил со мной куда-нибудь, когда очередные отношения не оправдывали себя, и я начинала лечиться еще и от них – как, например, после той истории с Лешей, очень некрасивой и грустной истории. Но Миша утешал меня. Говорил, что все хорошо, все в порядке. Развлекал меня. Смешил.

В какой-то момент я вдруг заметила, что мы обсуждаем только мою личную жизнь и никогда – его. Что он всегда свободен не только для совместного похода в кино, но и даже для поездки куда-нибудь на выходные. Я хотела спросить его, есть ли у него кто-нибудь, но боялась. Я и так чувствовала себя чудовищно виноватой. И при этом ничего не могла исправить.

Что подумал Мишка, когда мы по очереди сейчас ворвались к нему в квартиру? Сначала брат, наверняка до сих пор числившийся в Австралии, а потом я, непохожая на саму себя и точно так же предположительно находившаяся на другом конце света?

Может быть, Мишка решил, что он сошел с ума. Может быть, он решил, что это мы сошли с ума. Я давно заметила, что в любой непонятной ситуации люди предполагают либо одно,

либо другое. Зависит от степени уверенности в себе. Когда-то я считала Мишку достаточно уверенным в себе человеком. Сейчас я уже не знала.

Когда я отправила все письма, голова снова начала давать о себе знать. Музыка из динамиков раздирала мозг на части. Люди говорили катастрофически громко. У кассы пронзительно пищал компьютер.

Я не стала больше терпеть. Отчасти потому, что терпеть уже стало невозможно. Отчасти потому, что теперь, запоздало, на меня стало напирать чувство полной безнадежности. Когда ты чего-то не можешь получить, ты целиком сосредотачиваешься на том, что тебе это нужно, забывая в конечном итоге, зачем это. И не имело никакого значения, что я, наоборот, убеждала себя все это время, что мне ничего не нужно. Это отрицание оказалось лишь особой формой подтверждения. Как графические фокусы с оптическим обманом, когда из не связанных между собой фигур проступает рисунок, которого на самом деле нет. Я прожила четыре года, доказывая себе, что ничего не было. Подтверждая каждый раз тем самым, что все было.

Или все-таки ничего не было? Или было, но так, что теперь не осталось ничего? Или то, что осталось, было не тем, что было, или то, что было, было на самом деле не тем, что казалось? Или, на самом деле, казалось совершенно все, потому что на самом деле вообще не было ничего настоящего? Может быть, это тоже на самом деле не реальность, а ее подделка, единственно доступное мне теперь измерение, не жизнь, а ее снимок, передающий структуру, но лишенный пространственной глубины?

Наверное, я смогла бы как-нибудь во всем этом разобраться, если бы не раскалывающаяся голова. Но я уже достигла своего предела. Поэтому я просто вскочила, не завершив сессию и не закрыв все вкладки, и выбежала через стеклянные двери – на улицу.

Пустую. Потому что это уже был не город, а только его иллюзия. Пространство несуществующей Москвы, о которой люди грезили и мечтали. В которую стремились. И вместо которой получали в результате жестокую реальность.

В этой Москве проходили широкие улицы, вдоль них выстроились высокие дома со стеклами, сияющими надменной чистотой. Все казалось очень ухоженным и очень дорогим. Многие улицы шли не там, где они шли на самом деле, какие-то вовсе исчезли. Не было грязных дворов, заставленных машинами. Не было темных сырых переходов, пропахших нищетой. Не было метро, автобусов, маршруток, троллейбусов и трамваев, забитых, вечно спешащих и вечно не успевающих. Не было никого. И ничего.

И точно так же пусто и тихо было в моей голове. Ни одной мучительной мысли, никаких неприятных ощущений. Ясность, чистая, незамутненная. Я опять видела их все – пространства, миры, измерения, они переливались, менялись, соединялись и распадалась тысячами и тысячами разных вариантов одной и той же мысли. Находиться здесь оказалось очень просто. Не нужно было ни с чем сражаться, ни с чем бороться. Не было опасности ошибиться. Для всего существовало простое и разумное решение. Я всегда очень любила простые и разумные решения.

Я быстро вышла из этой идеальной Москвы, но еще долго бродила потом по пространствам. Я прошла через регулярный парк с бархатными газонами и шариками стриженных кустов. Через средневековый замок с гулким эхом. По леднику, сверкавшему на солнце психоделической радугой чьей-то несбывшейся мечты. По заброшенному гаражу и вымершей деревне.

И еще были коридоры. Бесконечная вереница коридоров и комнат, о которых никто никогда не мечтал, мыслипустышки, рассуждения ни о чем, бессмысленно прожитые минуты, потраченная впустую вечность...

В офис я вернулась ровно на следующий день после моего ухода. На самом деле, не совсем на следующий день. Поскольку в пространстве время циклично, а не линейно, то порядок дней не имеет особого значения. Только наша память – еще оперирующая категориями

реальности – выстраивала события в хронологическом порядке, хотя и это постепенно становилось бессмысленным. Ведь если сути вещей сами по себе события не меняют, то и их последовательность со временем теряет все свое значение.

Однако события условно вчерашнего дня определенное значение все-таки имели. Когда я вошла в дверь, шесть голов повернулись и шесть пар глаз уставились на меня. Как мне показалось, с осуждением.

– Привет, – сказала я неуверенно.

Хелен слегка улыбнулась. Ларс махнул рукой. Остальные не двигались.

– Что ты вчера устроила? – спросил Хендрикс, и мне не очень понравилось, как он со мной говорил.

Но он был прав. Я и впрямь натворила дел.

– Простите. Это произошло случайно. Я просто оказалась не готова...

– К чему?

Я не сразу нашлась, что ответить. Я вдруг поняла, что я никак не смогу объяснить им произошедшее. Потому что они не поймут.

– Ни к чему, – ответила я, взяв себя в руки. – Просто я не ожидала увидеть этого человека здесь. У нас остались определенные... неразрешенные вопросы. Но мы их уже разрешили.

– Откуда ты его знаешь? – опять спросил Хендрикс с той же интонацией. Холодной, требовательной. Недовольной.

– Из прошлой жизни.

– Ты хочешь сказать, что встречалась с ним, пока жила целиком в реальности? – вскинулся Гарри.

Мне показалось, что в глазах у него мелькнуло плохо скрываемое любопытство.

– Да.

– И как долго он может там находиться?

– Долго. – Я невольно вздрогнула, вспоминая, чем для него было это «долго». – По многу часов подряд.

Я услышала, как Гарри торжествующе прошептал: «Я же говорил!» Ларс и Хелен обменялись удивленным взглядом.

– Как же ему это удастся? – поинтересовался Хендрикс все тем же холодным тоном.

– С трудом, – ответила я честно. И тут сказала то, чего совершенно не следовало им говорить. – Но это вообще-то возможно. Если есть зачем там находиться.

– И зачем же ему там находиться? – прищурился Макс.

Я встретила с ним взглядом. У него были непроницаемые, холодные глаза компьютерного игрока.

– А зачем вам нужно это знать?

Макс первым отвел взгляд, но не сдаваясь, а как будто просто выискивая новую точку для атаки.

– Затем, – ответил вместо него Хендрикс, – что ты не совсем понимаешь правила игры, как нам кажется.

– Какие правила?

– Пространства не терпят сильных эмоций. Я говорил тебе об этом. Да ты, наверное, и сама это уже успела заметить. Если ты продолжишь в том же духе, ты можешь просто разрушить весь этот мир. И тогда все, кто в нем живет, погибнут. Все. Он – тоже.

Мне стало холодно.

– Здесь нельзя любить, – тихо сказал Ларс. – Возьми себя в руки, детка. Это не шутки.

V. Гарри

«Мало кто находит выход, некоторые не видят его, даже если найдут, а многие даже не ищут».

Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес»

Музыка спасет мир. Не говорите мне, что это не так. В конце концов, я и сам каждый день понемногу его спасаю. В основном – при помощи музыки.

Мы в офисе никогда не делили между собой сферы деятельности – это получилось случайно. Просто у всех нас были свои интересы – и постепенно мы стали своеобразными экспертами, каждый в своей области. Когда Макс возвращался после очередной вылазки в реальность – бледный, покрытый испариной и трясущийся в ознобе, – мы разбирали то, что он притащил, расходились по комнатам и там узнавали, что еще успело придумать большое сознание человечества. Иногда мне становится любопытно, стали бы режиссеры снимать фильмы ужасов, если бы знали, что каждый придуманный ими монстр однажды воплощается в плоть и кровь? Я надеюсь, что нет. Но до конца не уверен.

Вся «макулатура» доставалась Хелен. Она любила читать – поэтому на ее долю приходились все новые книги, от интеллектуальных бестселлеров до бульварных любовных романов. Мне всегда казалось это довольно жестоким – как книголюб с хорошим вкусом, Хелен должна была куда сильнее страдать от всей той чуши, которую ей приходилось прочитывать, чем любой из нас. Но она никогда не жаловалась. Хелен вообще никогда ни на что не жаловалась.

Макс предпочитал компьютерные игры. Он был геймером в прошлой жизни – и остался в этой, превратив в конечном итоге свое увлечение в совершенно невероятные способности. Пока к нам не пришла Элис, я считал Макса самым талантливым из известных мне операторов. У него был очень быстрый ум, ориентирующий в любой ситуации и мгновенно находящий решение и выход. Охотники любили ходить с ним больше всего – и я их понимал. Я видел несколько раз, как Макс играл, погружаясь и в те придуманные миры целиком, как будто в этот момент его разум перемещался по другую сторону экрана, пока тело оставалось на месте. И таким же сосредоточенным становилось его лицо, когда он вел кого-нибудь. Потому что пространства были для Макса еще одной игрой.

Специалистом в области кино считался Ларс – быть может, потому, что из нас всех он единственный мог не моргнув глазом просмотреть три хоррора и пару боевиков подряд и не сойти при этом с ума. Иногда к Ларсу во время просмотра присоединялся Гектор – но за психику последнего не стоило беспокоиться. Иногда я сомневался, есть ли вообще у Гектора психика. Хелен считала, что есть. Ларс это категорически отрицал. Макс утверждал, что это вообще не имеет никакого значения.

Единственным из нас, кого миновал нескончаемый поток масскультуры, оставался Хендрикс. Ему Макс приносил сводки новостей, экономические обзоры, научные статьи и отчеты о выставках. Хендрикс знал о том, что происходит в реальности, не хуже, чем многие из живущих там на самом деле, а может быть, даже и лучше. Он считал, что мы тоже должны быть в курсе, и время от времени устраивал нам ликбез по последним событиям в мире. Почти все на этих собраниях задремывали. Я – одним из первых.

В реальности меня интересует только одно. Музыка. Я знаю, что все в офисе посмеиваются над моим увлечением – но они просто не понимают, как сильно музыка влияет на сознание человечества. Много ли фильмов смогли настолько изменить культуру, как это сделали в свое время самые разные исполнители? Нет. Более того, без музыки и сами фильмы не смогли бы воздействовать на зрителя так, как они делают это сейчас. Музыка есть во всем. Кинематограф, мультипликация, реклама – везде звуковой ряд имеет не меньшее значение, чем визу-

альный. И не говорите мне про немое кино. Во время его сеансов в зале всегда играли музыку. Живую, между прочим.

Если бы мне дали волю, я бы круглыми сутками лежал у себя в комнате – и слушал. Даже в пространстве офиса я всегда оставлял наушник в одном ухе – без музыки в голове я просто не могу думать. Не говоря уж о том, чтобы общаться с другими людьми.

В офисе никто не понимал меня до того момента, пока к нам не пришла Элис. Я очень удивился, когда она постучалась ко мне в первый раз и спросила, не против ли я, чтобы она послушала что-нибудь вместе со мной. Я не возражал. По правде сказать, мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь еще оценил звучание моего проигрывателя, но до сих пор желающих не находилось. Когда-то давно, во время одной из немногих своих самостоятельных вылазок в пространства, я набрел на маленький, но очень любопытный музыкальный магазинчик. Проторчал я там целую вечность – возможно, даже в буквальном смысле – и вернулся в офис, притащив на себе проигрыватель и чуть ли не центнер пластинок. Отыскать потом этот магазин мне так и не удалось, и с тех пор я мучал Макса, заставляя его в реальности искать места, где можно раздобыть приличный винил. Макс морщился и ворчал – но без пластинок не возвращался. У меня было подозрение, что он просто совмещал приятное с полезным и что вместе с пластинками он нашел способ добывать кое-что еще. Но я никогда не спрашивал его об этом. В общем-то, мы все знали, каким образом Максудается так долго находиться в реальности, – и не нам следовало его за это осуждать. У каждого есть свой секрет. Даже если о нем все давно уже знают.

Я так и не понял, разбиралась ли Элис в музыке или просто приходила ко мне послушать. Я ставил на пробу самые известные альбомы и раритетные пластинки, но она реагировала совершенно одинаково. По правде сказать, она только сидела на моей кровати абсолютно неподвижно несколько часов подряд, после чего благодарила меня, вставала и уходила. Иногда меня так и подмывало спросить Элис, зачем она это делает, но всякий раз я сдерживался. Она тоже имела право на свой секрет.

Даже если о нем все давно уже знали.

* * *

Так повелось, что наши комнаты оставались неприкосновенным личным пространством каждого. В них не стоило заходить без разрешения, никто из нас не позволял себе вломиться без стука или, того хуже, искать что-то в отсутствие хозяина. Тем не менее мы все отлично знали, чем каждый занимался в свободное от работы время. Никто из нас не входил без спроса – но мы все порой звали друг друга в гости. Каждый мог полюбоваться на картины Хендрикса или коллекцию кукол, которые делала Хелен. Ларс и Макс были совершенно бездарны в области изобразительного искусства – но все знали, что один изучал классическую немецкую философию, а второй писал какой-то сложный компьютерный алгоритм. Что должен делать этот алгоритм, никто, кроме Макса, понять не мог – но его это совершенно не волновало. Как и в моем случае, увлечение Макса не требовало публики.

Единственным пространством, в котором никто никогда не был, оставалась комната Гектора. Даже Ларс, который с ним общался больше всего, никогда туда не заходил. Иногда из-за двери Гектора раздавался какой-то жуткий металлический скрежет, но никто из нас не решался проверить, что же там происходит. Гектор всегда выходил к нам с совершенно невозмутимым видом, а за его широченной спиной никто не мог хоть что-нибудь разглядеть. Однажды Макс предположил, что Гектор держит у себя в пространстве гарпию. Хелен с сомнением возразила, что совершенно непонятно, как он мог ее туда привести, – но, сказать по правде, я бы не сильно удивился, если бы это оказалось действительно так. Конечно, людям полагалось гарпий бояться. Но в случае с Гектором все было с точностью до наоборот. Бояться стоило гарпиям.

Я не знаю, почему никто никогда не бывал у Элис. Даже Хендрикс, который в начале ее обучения общался с Элис больше всех, ни разу не входил в ее комнату. Если он хотел поговорить с ней, Элис выходила, плотно закрывая за собой дверь. Я не представлял, что она могла там прятать, – но со временем мне пришла в голову мысль, что если кто из нас и мог держать у себя гарпию, так это именно Элис. И я не сомневался, что в ее случае гарпия не издавала бы никаких подозрительных звуков.

Несмотря на то, что Элис сильно изменилась внешне после той охоты, эти изменения, казалось, лишь проявили то, что скрывалось у нее внутри, – насколько вообще можно было судить о том, что происходит у Элис внутри. Я не мог назвать ее скрытной – вполне возможно, что если бы кто-нибудь задал ей прямой вопрос, она дала бы на него не менее прямой ответ. Но никто из нас не рисковал задавать Элис прямой вопрос. Даже Хендрикс.

Мы не говорили с ней о том, что произошло. Во-первых, это было небезопасно, во-вторых – довольно бессмысленно. В конце концов, лучшее, что Элис могла сделать в сложившейся ситуации, – это забыть обо всем, взять себя в руки и никогда больше к этому не возвращаться. И лишние разговоры тут вряд ли могли помочь. Хендрикс, вероятно, тоже так думал, потому что сразу после тех событий специально собрал нас всех и открытым текстом запретил обсуждать с Элис эту историю. Мы не возражали. Никому не хотелось оказаться на месте еще одного компьютера.

Я думал, что они с Хендриксом быстро сойдутся на почве его высокоинтеллектуальных увлечений, но этого не произошло. Элис общалась с ним ровно столько же, сколько со всеми остальными, – то есть фактически не общалась совсем. Я был исключением, но во время своих визитов Элис не обменивалась со мной и парой слов, так что вряд ли стоило предполагать какое-либо предпочтение или особый интерес. Я подозревал, что приходила она вовсе не ко мне, а к моему проигрывателю. Однажды я решил проверить это и ушел почти в самом начале одного из таких странных сеансов.

Она даже не шелохнулась, когда я выходил.

* * *

– Элис, пойдешь с нами?

Я недоуменно посмотрел на Ларса. Приглашать Элис с собой в бар казалось мне не самой лучшей идеей. Скорее всего, она сейчас в самой изящной форме пошлет Ларса, и оставалось только гадать, как далеко.

Элис подняла на нас глаза. Мне всегда становилось немного не по себе, когда я их видел, поэтому пришлось уставиться на ирокез Гектора. Зеленый цвет успокаивал.

– С удовольствием, – тихо ответила она.

Я так резко обернулся обратно к Элис, что в шее что-то хрустнуло, и я невольно поморщился. Она усмехнулась, как будто тоже услышав хруст. Я не спускал с Элис глаз, пока она вставала из-за рабочего стола и подходила к Ларсу, легкая и одновременно резкая в движениях. Ларс несколько не удивился ее ответу. Но он вполне мог просто умело это скрывать.

Макс небрежно спросил у Хелен, не желает ли она к нам присоединиться, но та разумно возразила, что будет неправильно оставить офис без единого оператора. Мы думали позвать Гектора, но он опять чем-то гремел у себя в комнате, и никто не захотел его отвлекать. Хендрикса не стоило и спрашивать. Он был точно не из тех людей, кто ходит по барам.

Впрочем, до этого дня я считал, что Элис тоже к таким людям не относилась.

Я не мог себе представить ее за стойкой, потягивающей коктейль и оживленно болтающей со своим соседом. Мысленно я попробовал заменить коктейль на виски, а оживленную болтовню на сосредоточенное молчание. Получилось чуть лучше. Но теперь не доставало шляпы и револьвера на боку.

Я кисло улыбнулся при мысли о коктейлях и виски. Как же. Размечтался.

Нас вел Макс – хотя мы все хорошо знали дорогу, и отыскивать новые двери не требовалось, всегда было спокойнее, если кто-то проверял путь. Из всех нас Макс перемещался наиболее уверенно – за исключением Элис. Я впервые оказался с ней в свободных пространствах – и потому теперь мог оценить разницу. По старой операторской привычке я немного экранировал нас всех, отслеживал наш маршрут параллельно и в своей голове тоже – но спроецировать Элис мне так и не удалось. Она ускользала от меня, не давала на себе концентрироваться. Иногда мне казалось, что сами пространства начинают немного меняться от того, что она находилась в них. Судя по тому, как иногда хмурился Макс, так оно и было.

Лицо Элис оставалось непроницаемым. Вполне возможно, что она делала это подсознательно и не замечала, что это доставляет неудобства другим. А может быть, ей было все равно, что она создает другим неудобства.

Когда мы пришли в бар, там оказалось подозрительно пусто. В отличие от настоящего бара, у этого пространства не существовало часов работы или выходных дней – как не существовало и часов с наибольшим потоком посетителей. Завсегдатаи этого бара находились со временем в особых отношениях. Они могли прийти сюда когда угодно, остаться навсегда и тут же уйти. Собственно говоря, большинство именно так и поступало.

В дальнем углу сидело трое эфиопов. Можно было удивиться – но я знал, что это одни из главных поставщиков бара. Чарли ценил качественный товар. Даже если этот товар и придумал кто-нибудь.

В конце концов, хорошее воображение тоже многого стоит.

Мы подошли к стойке. Чарли заметил нас и блеснул зубами и лысиной:

– Какие люди! Сколько лет, сколько зим!

Мы с Ларсом серьезно кивнули. Это могло быть отнюдь не фигурой речи. Макс только фыркнул. Элис молчала.

Чарли кинул на нее взгляд, беглый, скользкий, с профессиональной точностью отмечавший все за долю секунды. После чего любезно обратился к Ларсу:

– Как обычно?

– Нет. Сегодня тройной.

Чарли кивнул и улыбнулся нам с Максом.

– Мне как обычно, – ответил я на его вопросительный взгляд.

– Мне тоже, – бросил Макс.

– А вы, мисс? – Чарли снова скользнул по Элис глазами. – Вы что-нибудь закажете?

Элис изучала содержимое полок за его спиной.

– А это все, что у вас есть? – спросила она холодно.

Чарли оскорбился.

– У нас в наличии имеется сорок семь сортов чая, десять сортов кофе разной степени обжарки, молоко низкой, средней и высокой жирности, сливки, соевое молоко, миндальное молоко, пятнадцать разновидностей лимонада, свежавыжатые соки, молочные коктейли, смузи, какао, горячий шоколад...

Элис кивнула, не сводя глаз с полок.

– Мне минералку.

– Конечно, мисс. – Чарли мгновенно стер с лица обиженное выражение. – Слабогазированную, сильногазированную, со льдом, с лимоном, с лаймом, с мятой?

Элис оторвала взгляд от полок и посмотрела прямо на Чарли.

– Минералку, – повторила она спокойно.

Чарли немного помолчал. Его лысина неловко блестела в свете встроенных потолочных лампочек.

– Конечно, мисс, – ответил наконец Чарли невозмутимым тоном и отвернулся, чтобы начать выполнять наш заказ.

– И вы называете это баром? – тихо спросила Элис у Ларса.

Чарли поставил перед ним чашку тройного эспresso, стараясь не встречаться при этом с Элис глазами.

Ларс усмехнулся, отпил кофе и слегка поморщился.

– А ты как думала, детка? Что тут действительно дают спиртное?

– Я считала, что бар подразумевает алкоголь.

– Бар в реальности – может быть. Но, как ты догадываешься, в пространствах не стоит принимать любые вещества, способные хоть ненадолго помутить ясность рассудка.

– Но ведь это все равно был бы ненастоящий алкоголь. Он мог бы не пьянить.

– А тогда зачем его пить? Кофе куда вкуснее.

Чарли поставил на стойку два чая для нас с Максом и стакан минералки для Элис. Она задумчиво отпила глоток, снова глядя на стеллаж, заставленный чаем, кофе, лимонадом, фруктами. Заднюю стенку заменяло зеркало, поэтому темный бар и наши хмурые лица выглядели из-за разноцветных упаковок.

Я размешивал сахар и краем глаза наблюдал за Элис. Она смотрела прямо перед собой и крутила свой стакан в руках, отчего он тихо шуршал по гладкой поверхности стойки. Ее лицо казалось совершенно спокойным, но почему-то я при этом вспомнил, как она выглядела, когда они с Ларсом и Гектором ввалились тогда в офис. Тогда Элис не выглядела такой невозмутимой. Тогда она была беззащитной, а глаза – настороженными. Я попытался представить, что мог чувствовать Сандр, который совершенно неожиданно для себя обнаружил свою девушку в пространствах. Что он тогда ощутил? О чем думал?

Пальцы Элис медленно крутили стакан. У нее были красивые пальцы и красивое лицо. Она вообще казалась мне красивой, особенно теперь, когда ее внешность не контрастировала так сильно с характером, как раньше. Она была красивой девушкой. И очень грустной.

Я успел поймать себя до того, как мысль смогла оформиться в голове, до того, как где-то в удаленном уголке пространств она успела оформиться в свое измерение. Но мысль все же промелькнула в сознании, и я целиком сосредоточился на своем чае, очень стараясь не думать об этом, не думать о том, как жаль...

Как жаль, что она никогда не была моей девушкой.

Я незаметно тряхнул головой. Скорее всего, за такие мысли целых три человека могли бы открутить мне голову. Причем Хендрикс, как я подозревал, сразу по двум разным поводам. Сильно противоречащим друг другу.

Стакан Элис продолжал шуршать. Ларс гонял по дну чашки кофейную гущу. Макс ушел к эфиопам.

Я услышал удивленный вздох Элис и повернулся к ней. Ее пальцы замерли на стакане, и она не сводила глаз с зеркала в стеллаже. Я попытался разглядеть, что такого она там увидела, но на меня смотрело только мое собственное недоумевающее лицо.

И в этот момент Ларс выругался. Тихо, отчетливо, трехэтажно. Я увидел, куда он смотрит, и тоже обернулся ко входу.

Неимоверным усилием воли мне удалось сдержать ругательство. Рядом со мной Элис превратилась в статую.

Он не мог не знать, что мы здесь сидим. Я слышал все истории про Сандра и несколько раз наблюдал его в действии. Его нельзя было застать врасплох. Да он и не выглядел сейчас удивленным. Только очень напряженным, как будто догадывался, что ему не следует здесь быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.